

МОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АДМИРАЛА Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО

Диалог поколений

Сборник научных трудов

Владивосток
2008

УДК 30 (091)
ББК С 54

Д 44

Диалог поколений: Сборник научных трудов / сост. и предисл. Д. А. Литошенко, общ. ред. Д. А. Литошенко, Л. В. Шепотько. – Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2007. – 110 с.

В сборник вошли научные труды преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры «История и политология» факультета «Социальное управление» Института социально-политических проблем управления» Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского, а также лучшие студенческие доклады, на проводившихся, совместно с Центром патриотического воспитания, в 2003-2007 гг. молодёжных научно-практических конференциях «Морские исторические чтения».

Материалы сборника будут интересны студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам и всем, интересующимся современными проблемами исторических и обществоведческих наук.

© Морской государственный университет
им. адм. Г.И. Невельского, 2008
© Коллектив авторов, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, кафедра «История и политология» факультета «Социальное управление» Института социально-политических проблем управления Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского имеет честь представить вашему вниманию сборник научных трудов «Диалог поколений». Забегая вперёд, выскажем надежду, что этот сборник найдёт своего читателя, будет полезен студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам, и всем тем, кто питает интерес к затронутым на его страницах проблемам гуманитарного и обществоведческого знания. Иными словами, мы глубоко надеемся на то, что сборник научных трудов «Диалог поколений» внесёт заметный вклад в процесс интеграции научных исследований и высшего профессионального образования, без чего, в современных условиях, немыслимо эффективное функционирование университетского образования, что также справедливо и в отношении его морского сектора.

Несколько слов необходимо сказать об идеологии того научного проекта, конечным результатом которого стал сборник научных трудов «Диалог поколений». Следует отметить, что кафедра «История и политология» является одним из старейших подразделений Морского государственного университета. Кафедра славится своими традициями подготовки высоко квалифицированных специалистов для морской транспортной отрасли и морского образования. В настоящее время на кафедре сложился сплочённый коллектив единомышленников, успешно совмещающий в своей повседневной деятельности следование славным традициям и инновационные инициативы, что позволяет ей с уверенностью смотреть в будущее. Имеющийся у кафедры «История и политология» значительный учебный, методический, научный и инновационный потенциал приобретает особое значение в связи с формированием на базе Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского – Дальневосточного государственного морского научно-образовательного комплекса. Формирование на базе Морского университета уникального в своём роде центра отраслевой науки и подготовки высоко квалифицированных специалистов для морской отрасли, ставит на повестку дня необходимость повышения эффективности реализуемых в университете образовательных программ всех уровней, особенно, – послевузовского профессионального.

Следует отметить, что в этом плане кафедрой «История и политология» накоплен весьма интересный опыт. Дело в том, что кафедрой осуществляется полноценный процесс подготовки высоко квалифицированных специалистов: со студенческой (курсантской) скамьи – до защиты диссертации на соискание учё-

ной степени кандидата наук. Особое внимание в этом процессе уделяется воспитанию исследователя.

Для профессионального становления исследователя кафедро «История и политология» создаются все условия. На кафедре в течение многих лет действует исторический клуб «Старый город» (руководитель - ст. преподаватель Т.А. Сарычева). Ежегодно, совместно с Центром патриотического воспитания, кафедра организует и проводит межвузовскую молодёжную научно-практическую конференцию «Морские исторические чтения». В последние годы на кафедре успешно работает аспирантура по специальности 07.00.10 – история науки и техники (исторические науки). Всё это создаёт прекрасные условия для полноценного, обогащающего и развивающего диалога между начинающими исследователями и их более опытными наставниками.

Именно осознание этого факта стало решающим обстоятельством при выборе названия данного сборника научных трудов – «Диалог поколений», ибо на его страницах создаётся особого рода интеллектуальное пространство, позволяющее осуществить профессиональное становление исследователя через включение его в процесс симметричной научной коммуникации – диалога, дискуссии, обсуждения, обладающего, как известно, выдающимся эпистемогенным потенциалом.

Избранная идеологическая установка нашла воплощение, как в структуре сборника, так и в названии его отдельных частей: «Дебюты», «Становление», «Зрелость» и «Из Мэтров». Название каждой из частей сборника обозначает этап профессионального пути учёного. Столь же символичным представляется и использование в названиях частей именно французских слов и словосочетаний – не для кого ни секрет, что именно Франция являлась и является законодательницей интеллектуальной моды в мировом обществоведении и гуманитаристике. Хотя, об этом можно спорить, ибо наука – это вовсе не компендиум мёртвого знания, а область доказывания.

Мы приглашаем вас обсудить всё это в «Диалоге поколений»!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ LES DÉBUTS

ОБ ИСТИННОМ ОБЛИКЕ КАПИТАН-КОМАНДОРА БЕРИНГА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ «ВОКРУГ СВЕТА», «РУССКАЯ АМЕРИКА», «МОРСКОЙ ФЛОТ»)

П. Артющенко

студентка ФЭУ МГУ им. адм. Г.И. Невельского
Научный руководитель – М.Р. Каменева

Известный ныне портрет Витуса Ионассена Беринга был обнаружен в 1945 году у проживавшей в Москве правнучки Беринга Е.А. Трегубовой. Такой же портрет еще в 1941 году опубликовал Е.Стенсгорд в газете «Социал-демократ Хорсенса». Портрет был подарен городу Хорсенсу, где родился Беринг, его потомком Масловым-Берингом, проживающим тогда в Брюсселе. На этой копии сохранилось факсимиле – «В.Беринг». Вскоре этот портрет стал всемирно известен, канонизирован. Его публиковали в энциклопедиях, во всех учебниках географии. Постепенно историки уверовали, что на этом портрете действительно изображен мореплаватель Витус Беринг.

Истину установили датчане. На основании тщательного изучения архивов они утверждают: на портрете – придворный поэт и историк Витус Педерсен Беринг, дядя великого мореплавателя!

Московский клуб «Приключение» при участии международной организации «Подводный мир» решил попытаться найти захоронение участников исторического плавания, выявить останки их начальника и восстановить его облик по черепу методом Герасимова. Из исторических документов следует, что в 1741-1742 годах на острове погибло 14 человек. Сам Витус Беринг был похоронен по протестантскому обряду возле своего жилища. Он

покоится между бывшим своим адъютантом Хотяинцевым, комиссаром Лагуновым и двумя гренадерами. Его единственного похоронили в некоем подобии гроба, а остальных просто закапывали в землю. После окончательных исследований в процессе раскопок останки капитана нашли. Была уверенность, что останки одного из найденных принадлежат Витусу Берингу, так как их положение соответствовало историческим документам, однако необходимо было продолжить лабораторные исследования в стационарных условиях в Москве. Работы по восстановлению велись в институте судебной медицины.

Используя методику ученого Герасимова, В. Н. Звягин и его сотрудник М. Е. Березовский восстановили по черепу капитан-командора его настоящий облик. Реконструкция дает нам представление о том, как мог выглядеть Витус Ионассен Беринг в действительности.

Рост Беринга был около 172-175см, плечевой диаметр – 44,5см. Таким образом, в те времена мореплаватель не мог выделяться среди окружающих своей физической силой.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА

М.Е. Гузов

студент ИЗМ МГУ им. адм. Г. И. Невельского
Научный руководитель - Т. А. Сарычева

9 февраля 1904 г. в 11 часов вечера на броненосце “Петропавловск” закончилось совещание у вице-адмирала Старка, на котором обсуждались мероприятия против возможного нападения противника. Прощаясь с офицерами перед съездом с корабля, начальник морского штаба контр-адмирал Витгефт сказал: “*Войны не будет*”, а в 6 часов вечера адмирал Ноги поднял сигнал о начале операции. Японцы напали неожиданно. Потушив свои ходовые огни, японские корабли прошли к Порт-Артуру незамеченными и выпустили по эскадре несколько торпед. Два корабля, светящие прожекторами и броненосец “Цесаревич” были надолго выведены из строя. Только из-за того, что атака японцев была плохо организована и растянулась во времени, русская эскадра не понесла больших и безвозвратных потерь.

Первый день войны на море был тяжелым испытанием для русского флота. Война оказалась неожиданной для офицеров, не готовых к ней не только в военном, но главным образом в моральном отношении. Из-за беспечности царских чиновников японцам удалось нанести Порт-Артурской

эскадре серьезный ущерб. Кроме подорванных на Порт-Артурском рейде кораблей, русский флот потерял 9 февраля крейсер “Варяг” и канонерскую лодку “Кореец”. На должность Старка был назначен С.О. Макаров. 17 февраля Степан Осипович Макаров вместе со своим штабом отбыл в Порт-Артур. 8 марта командующий прибыл в Порт-Артур, и немедленно отправился к морякам, от которых зависела боевая деятельность флота.

После гибели С. О. Макарова в командование флотом вступил прибывший из Мукдена Алексеев. Алексеев игнорировал все новшества Макарова. Верный своим взглядам беречь флот и ни в коем случае не рисковать, он немедленно переключил все силы на оборону, жестко пресекая попытки отдельных командиров действовать в наступательном духе.

Было решено большую часть кораблей разоружить и оружие списать вместе с матросами на берег. До середины июня с кораблей было снято и установлено на позициях 166 орудий. Японцы превосходили русских в артиллерии в три раза, а в пехоте почти в десять раз.

Численность японской армии и русских войск

Дата	Солдаты	Офицеры
Японская армия		
К 1 января 1904 года	142663	8082
Русские войска		
К 1 января 1904 года	94586	3249

С оставлением Киньчжоу – передовой позиции Порт-Артура – противнику была открыта дорога к крепости, на пути к ней не было ни одного укрепления. Первый штурм Порт-Артура окончился полным поражением японцев, одной из причин которого стала замечательная по меткости ночная стрельба русской артиллерии. Японцы переоценили свои возможности и не приняли в расчет мужество и героизм русского солдата. Провал ускоренной атаки крепости показал невысокий уровень японского военного искусства. Моральное состояние большинства японских солдат было подавленным, в бой шли без энтузиазма. Августовские бои под Порт-Артуром были первым успехом русского оружия на всем театре войны. Японцы понесли огромные потери и вынуждены были перейти к долговременной осаде крепости. Это сильно спутало все их планы.

15 декабря 1904 г. от прямого попадания вражеского снаряда в каземат погиб выдающийся организатор, фактический руководитель, душа обороны – Р. И. Кондратенко. Со смертью Кондратенко началась подготовка к капитуляции крепости.

Когда пал форт № 3, новый комендант крепости генерал А. М. Стессель решил, что наступил момент открыто заявить о капитуляции. 1 января 1905 года, на 156-й день обороны Порт-Артура, хотя на позициях шли упорные бои, генерал Стессель совершил акт измены, отправив парламентаря к адмиралу Ноги. Матросы, часть офицеров и солдаты, не желавшие увеличить трофеи японцев, несмотря на приказы Стесселя, приводили в негодность вооружение, топили винтовки, взрывали снаряды и т.д. Чтобы затруднить вход в гавань японским кораблям, на фарватере были затоплены два корабля.

В ночь на 2 января Порт-Артур и его окрестности были охвачены сильным пожаром. Для спасения полковых знамен, секретных документов, и ценностей армии и флота был выделен миноносец “Статный”. “Статный”, встретившись на море с японцами, маневрируя, обманул их и благополучно достиг китайского порта Чифу. С успехом могли прорваться и другие корабли, но предатели уготовили им иную участь. Впоследствии большинство судов, затопленных в гавани, японцы подняли из воды и, отремонтировав, ввели в строй своего флота.

2 января 1905 года Порт-Артур пал. Крепость была сдана неприятелю преждевременно. Еще держали оборону боеспособные части, могли стрелять 610 орудий, имелось 207 855 снарядов, не ощущалось острой нужды в хлебе и сухарях, наконец, было для убоя 2944 лошади; после капитуляции осталось до 50 тыс. пудов муки и много другого продовольствия. Из 59 укрепленных узлов крепости было потеряно не больше 20. Еще можно было сражаться, сковывая у Порт-Артура истекавшую кровью стотысячную армию Ноги. Весть о капитуляции Порт-Артура облетела весь мир. Никто не мог поверить, что столь блистательная оборона русской армии закончилась так бесславно. Военный урон был непоправим. Был решен вопрос о преобладании на море – главный и коренной вопрос настоящей войны.

Порт-Артур пал на 157-й день после его тесного обложения и на 329-й день после начала войны. Русские солдаты и матросы, оборонявшие крепость, проявили стойкость и невиданное упорство, приковав к себе стотысячную армию японцев и почти весь их флот. Длительная героическая оборона Порт-Артура дала полную возможность сосредоточить в Маньчжурии большие силы, чем у врага.

Оборона Порт–Артура подтвердила, что приморская крепость должна быть одинаково защищена от нападения противника как с суши, так и с моря. Существенное значение при падении крепости имели стратегические ошибки в плане войны, материальная неподготовленность к длительной обороне, бездарность и предательство командования.

ТАМОЖЕННАЯ СИСТЕМА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

И.А. Столярова
слушатель ВФ РТА

Научный руководитель - Н.А. Беляева

В начале XX века территория Северо-Восточной Азии стала ареной экономического и политического противоборства. Начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война самым трагическим образом отразилась и на состоянии Приамурья, его внешнеэкономических связях, развитии судоходства и торговли. Оборвались налаженные коммерческие контакты, оказались блокированными традиционные морские пути доставки товаров. Военные действия внесли свои коррективы и в таможенную политику России на Дальнем Востоке. Главным направлением вновь стало обеспечение населения Приамурья товарами первой необходимости.

В условиях войны и фактической блокады правительство вновь вернулось к возможностям порто-франко. 1 мая 1904 г. императорским указом был восстановлен беспошлинный ввоз товаров как через порты, лежащие в устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе с Маньчжурией, за исключением подакцизных товаров. Восстановление беспошлинного ввоза было попыткой хотя бы частично смягчить сложившуюся в связи с военными действиями ситуацию.

Восстановление порто-франко в Приамурском крае поставило вопрос о судьбе таможенных учреждений. Самыми сложными для них оказались первые месяцы после начала военных действий. В течение первой половины 1904 г. Департамент таможенных сборов предпринял значительные кадровые перемены. Чиновники Владивостокской таможни, имевшей самую большую штатную численность, были временно прикомандированы к Иркутской, Маньчжурской, Сретенской, Инкоусской таможням, Пограничной таможенной заставе. Некоторые были переведены для продолжения службы в таможни на западной границе империи. Большая часть таможенников, преимущественно досмотрщиков, была призвана на военную службу. Эта мера поставила таможенные учреждения в катастрофическое положение. Таможня осталась без нижних чинов, необходимых для охраны товаров.

В условиях военного положения многие таможенные учреждения Приамурского края были эвакуированы, в том числе и самые крупные таможни 1 класса – Владивостокская и Николаевская-на-Амуре. Владивостокская таможня переба-

зировалась в Никольск-Уссурийск, откуда таможенные чиновники отправлялись для совершения таможенных обрядностей во Владивосток. Николаевская таможня перенесла свои действия в Хабаровск. На постоянные места дислокации обе таможни вернулись лишь в сентябре 1905 г. В условиях войны изменился характер деятельности таможенных учреждений, расположенных к северу и востоку от Маньчжурии (по Амуру и на границе Южно-Уссурийского края). Она была сведена к наблюдению «за не ввозом» из Маньчжурии запрещенного к привозу опиума, хлебного вина и водки местного китайского производства; взысканию акциза с русских акцизных товаров, поставляемых из Маньчжурии, куда они были вывезены через Иркутскую и Маньчжурскую таможни с возвратом акциза. Основными грузами, над которыми осуществлялись таможенные обрядности были грузы военного ведомства.

В условиях войны нередким явлением были недоразумения между таможенным и военным ведомствами. Приведем несколько примеров. 15 июля 1904 г. командующий войсками Приамурского военного округа обратился к министру финансов с просьбой разрешить беспрепятственный и скорейший пропуск местной таможней товаров, необходимых для обороны крепости, приходящих на иностранных судах во Владивосток и Николаевск. Просьба была вызвана многочисленными случаями задержки Владивостокской таможней необходимых для проведения оборонительных работ и снабжения гарнизона крепости военных грузов, с огромным риском доставляемых морем. Причиной задержки грузов была «неизвестность происхождения товаров». 16 октября 1904 г. по КВЖД во Владивосток секретно перевозилась подводная лодка «Форель» с полным снаряжением, запасными частями, минами и кислотами, где она была досмотрена «на предмет нахождения между этим грузом предметов, скрытых от акцизного обложения». В интересах сохранения секретности перемещения военных грузов распоряжением Департамента таможенных сборов предписывалось впредь пропускать все секретные грузы военного ведомства через Пограничную таможенную заставу (Суйфыньхэ) без досмотра.

Важным направлением в деятельности таможенных органов в период войны и восстановления порто-франко продолжала оставаться борьба с контрабандой. Однако и в эту сферу таможенной деятельности война внесла свои коррективы. Новым явлением стало вовлечение служащих железнодорожного ведомства, как правило, поездной прислуги и конвойных команд, в этот противоправный вид деятельности.

Особым направлением деятельности таможенных учреждений в Приамурье и в Маньчжурии стала борьба с «военной контрабандой». Основные её черты были сформулированы во введенных российским Правительством.

Согласно принятым 14 февраля 1904 г Временным правилам, которыми Россия была намерена руководствоваться на период войны с Японией, к «военной контрабанде» были отнесены предметы, имеющие стратегическое значение или могущие использоваться в военных целях. В том числе: различное оружие; разнообразные «военные припасы»; взрывные вещества и приспособления; предметы войскового снаряжения и обмундирования; средства передвижения; оборудование и материалы для саперных работ, всякого рода судовые машины и котлы, а так же сами морские суда, идущие в неприятельский порт даже под нейтральным флагом, если «по конструкции своего корпуса, внутреннему устройству и другим признакам они, очевидно, построены для военных целей и идут в неприятельский порт для продажи или передачи неприятелю» и т.п.

В целях борьбы с «военной контрабандой» был установлен русский контроль над деятельностью китайской морской таможни в открытом для иностранной торговли порту Инкоу. С началом русско-японской войны иностранные консулы предприняли попытку объявить Инкоу нейтральным портом. Однако это противоречило логике самой войны, так как порт находился на территории, которая в любой момент могла стать театром военных действий. И поскольку в Инкоу еще с 1900 г. (со времени подавления боксерского восстания) находился русский гарнизон, сами японцы считали его русской территорией, а значит объектом военных действий.

13 марта 1904 г. Инкоу был объявлен на военном положении, а через день приказом наместника на Дальнем Востоке были утверждены Временные правила контроля ввоза-вывоза товаров в порту Инкоу. Согласно им разрешался ввоз на нейтральных судах в порт всех товаров за исключением оружия и предметов, признанных «военной контрабандой», которые могли вывозиться при условии внесения залога, равного стоимости груза, возвращаемого после получения извещения о доставке груза по месту назначения в нейтральный порт. Под *русский контроль* должны были быть взяты все без исключения операции китайской морской таможни и в первую очередь «по нагрузке на пароходы вывозимых из Инкоу грузов». Для его осуществления в порт Инкоу были направлены сотрудники Владивостокской таможни. Китайское правительство выражало недовольство самим перечнем предметов, отнесенных российской стороной к «военной контрабанде», поскольку к ней были отнесены и товары, являющиеся предметами обычной торговли в Китае, в первую очередь мука и рис. Однако устанавливая жесткий контроль в Инкоу российские военные власти исходили из того, что большая часть товаров, вывозимых из этого порта направлялась в Японию.

Русский таможенный контроль над ввозом/ вывозом в Инкоу сохранялся вплоть до занятия города японскими войсками (22 июня 1904 г.). Контроль над Инкоусской морской таможней перешел в руки японской администрации.

Окончание русско-японской войны не внесло серьезных корректив в модель деятельности таможенных учреждений. В повседневной работе исчезли специфические военные проблемы, в том числе и борьба с военной контрабандой. Однако вплоть до 1909 г. сохранялась ситуация, которую известный дальневосточный экономист А.Березовский назвал «логическим нонсенсом», когда таможня существовала одновременно с порто-франко.

ПАМЯТЬ О ГОРДОМ «ВАРЯГЕ»

Р.В. Анциферов, А.В. Челаков, М.М. Чураков
курсанты СВФ МГУ им. адм. Г. И. Невельского
Научный руководитель - О. В. Раповка

Память о легендарных событиях русско-японской войны 1904-1905 годов жива и сегодня. 9 февраля 1904 г. на рейде корейского порта Чемульпо произошло сражение бронепалубного крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с эскадрой из шести крейсеров и восьми миноносцев японского флота. Приняв неравный бой, корабли безуспешно пытались осуществить прорыв. Учитывая сложившееся положение, на совете офицеров «Варяга» и «Корейца» решили крейсер и канонерскую лодку уничтожить. Канонерскую лодку «Кореец» взорвали, а крейсер «Варяг» потопили, открыв все клапаны и кингстоны.

Весть о подвиге экипажей «Варяга» и «Корейца», не сдавшихся врагу, быстро облетела весь мир. В России это вызвало мощную волну патриотического подъема и воодушевления. На страницах отечественных и зарубежных газет и журналов того времени появились многочисленные очерки, статьи, беседы с участниками боя, поэтические произведения, посвященные героям достопамятной морской баталии – русским морякам.

Вскоре появились несколько песен: «Варяг идет свершить свой подвиг славный» выдающегося русского композитора Ц. Кюи, марш «Варяг» А. Рейдермана и «Геройский подвиг» А. Таскина. Подлинно народное признание получили две другие песни. Датой появления первой из них, по-видимому, следует считать 17 февраля 1904 года, когда петербургская газета «Русь» опубликовала стихотворение «Варяг» («Плещут холодные волны») Я. Репнинского. Через несколько дней перепечатанное «Рижским вестником», это стихотворение попа-

лось на глаза студенту Юрьевского (Тартуского) университета, музыканту-любителю Ф. Богородскому. Возволнованный событиями, музыкант решил подобрать на гитаре мелодию на эти стихи. Через некоторое время полюбившаяся песня о «Варяге» («Плещут холодные волны») облетела всю страну. Предлагаем вашему вниманию современную интерпретацию первой песни о «Варяге».

Вторая по времени появления на свет песня о «Варяге» получила наибольшую известность. История её создания такова: 25 февраля 1904 года немецкий журнал «Югенд» опубликовал стихотворение «Памяти «Варяга» известного немецкого поэта и драматурга Рудольфа Грейнца. Вскоре переводы превосходного произведения Р. Грейнца появились практически одновременно в двух российских журналах.

Автором перевода стихотворения в научно-литературном журнале «Море и его жизнь» был журналист, поэт, драматург и писатель Николай Константинович Мельников. Другой вариант перевода стихотворения немецкого поэта под заголовком «Памяти «Варяга» увидел свет в апрельском номере «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки». Автором этого перевода была литератор и поэтесса Евгения Михайловна Студенская. Перевод Е. Студенской был напечатан на одной странице журнала вместе с оригиналом: слева - русский текст, справа - немецкий. Вот он:

Наверх, о, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает!

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает!

Все вымпелы вьются и цепи гремят,

Наверх якоря поднимая.

Готовятся к бою орудий ряды,

На солнце злое ще сверкая!

Из пристани верной мы в битву идём,

Навстречу грозящей нам смерти,

За Родину в море открытом умрём,

Где ждуют желтолицые черти!

Свистит и гремит и грохочет кругом,

Гром пушек, шипенье снаряда,

И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»

Подобьем кромешиного ада!

В предсмертных мученьях трепещут тела...

Вкруг грохот и дым, и стенанья...

*И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы ещё с вами вчера,
Что нынче умрём под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят вовек,
Геройскую гибель «Варяга»!*

Через некоторое время именно этот текст стал широко известной матросской песней. Впервые она была исполнена на торжественном приёме, устроенном императором Николаем II в честь офицеров и матросов «Варяга» и «Корейца».

В различных нотных изданиях авторами музыки называются А. Б. Виленская, И. Н. Яковлев, И. М. Корносевиц, А. С. Турищев. Мы склонны к предположению, что авторство мелодии песни принадлежит музыканту 12-го гренадёрского Астраханского полка А. Турищеву. Именно А. Турищев принимал участие в торжественной встрече героев «Варяга» и «Корейца» в Санкт-Петербурге в апреле 1904 года.

Одна из первых публикаций песни «Варяг» появилась в сборнике Н. Красовского «Военные боевые песни русско-японской войны», изданном в Москве в 1906 году. Популярность песни превзошла все ожидания. Песня о гордом «Варяге» вот уже 100 лет звучит во славу русского флага, олицетворяя память о русских моряках. (Звучит фонограмма песни «Гибель «Варяга»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ LE DEVENIR

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Я.Ю. Тарковская

аспирантка кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Формирование информационной образовательной среды стало одной из определяющих тенденций развития современного образования. Процесс управления и обеспечения современного образования все в большей степени реализуется на базе информационных и телекоммуникационных технологий[3]. Наличие рынка образовательных услуг влечет за собой потребность в рекламе и коммуникации образовательных учреждений.

В этой связи представляется интересным характер ресурсов, предоставленных на сайтах университетов США и России, с тем, чтобы проследить восприимчивость образовательных систем двух стран к идеям научно-технического прогресса. За основу будет взят материал, представленный на сайтах крупных известных университетов США и России. Начнем исследование с анализа информационных ресурсов сайтов американских университетов.

Как известно, новые информационные технологии и сеть Интернет стимулировали развитие социальных и гуманитарных наук в университетах США и Западной Европы, прежде всего, обеспечив качественно новый уровень инфраструктуры – научной информационной базы, средств доступа к ресурсам, обучения исследователей компьютерным методам анализа больших массивов данных. Набор в вуз, встречи с будущими студентами, профориентация, консультационные услуги, тестирование – вот ряд направлений коммуникации образовательных учреждений со своими потребителями[3].

Воплощением идеи современного канала доступа к разнообразным услугам и информационным ресурсам стали Вэб-сайты академических университетов. Согласно глоссарию терминов Интернет, Вэб-сайт – это одна или более взаимосвязанных Вэб-страниц под общим владением, управлением или темой.

Вэб-страница – документ, выставляемый в Вэб [7]. Рассмотрим характер ресурсов сайтов университетов США.

Общий дизайн Вэб-сайтов американских университетов достаточно яркий. На сайтах обычно используется большое количество графики и ярких постеров текущих новостей. Каждый университет стремится выразить через свой сайт собственную неповторимость и уникальность. Особенно серьезно продумывается первая, домашняя страница сайта, так как именно полученное от нее впечатление во многом определяет отношение пользователей к последующим страницам. Кроме того, она обеспечивает вводную информацию о сайте и направляет пользователя к другим его страницам. Часто оригинальность дизайна домашней страницы сайта вытекает из специфики университета. Неотъемлемой чертой является расположение герба университета на стартовой странице. Также здесь представлена подробная информация об условиях поступления и финансовой помощи, о сроках подачи заявлений и продолжительности того или иного курса, о спортивной деятельности. Университеты предлагают различные виды работы с неполным рабочим днем на территории кампуса. Практически на всех сайтах представлена карта университетского городка с подробным изложением информации о местонахождении библиотек, спортивных залов, столовых, общежитий, культурных центров и т.д. Здесь же размещена информация для абитуриентов, студентов, выпускников, родителей и преподавателей, лекции по ведущим дисциплинам, расписание занятий, перечень экзаменов и т.д.

Эффективное и рациональное использование новых информационных технологий для научных целей и учебных задач стало возможным только в условиях сотрудничества университетов. Первым этапом сотрудничества стали усилия по целенаправленному формированию научной информационной базы. Формирование, актуализация и организация подобной ресурсной базы – сложная и дорогостоящая техническая, технологическая и организационная задача, которую самостоятельно не может выполнить ни один университет. Рациональным решением проблемы стали коллективные межуниверситетские информационные структуры – консорциумы, организованные на основе членства организаций. Каждый университет, вступив в консорциум, получает право пользования ресурсами и услугами, которое распространяется на всех преподавателей, исследователей, аспирантов и студентов. Университеты ежегодно выплачивают взносы, размер которых колеблется от 2 тысяч долларов до 11 тысяч долларов и зависит от категории университета, числа студентов и преподавателей и наличия докторских

программ в области социологии. В 2000 членами консорциума являлись 325 университетов и колледжей США[2].

Быстрые темпы развития информационной среды делают необходимым постоянное обновление Интернет-ресурсов, в том числе образовательных. Цель разработки новых версий сайтов — не только обновление содержания, дизайна и средств навигации, но и учет современных требований к информационному наполнению образовательных ресурсов. Такие требования связаны с расширением спектра функций сайта и увеличением объема размещаемой на нем информации. Веб-сайт учебного заведения должен не только содержать полную, актуальную и достоверную информацию об учебном заведении, его организационной структуре, основных направлениях его деятельности, предлагаемых образовательных программах и т.д., но и быть эффективным учебным ресурсом для различных категорий обучающихся, а также удобным корпоративным ресурсом для преподавателей и сотрудников учебного заведения. В частности, для обеспечения учебного процесса веб-сайт должен предоставлять пользователям доступ к электронным учебным ресурсам — каталогам, полнотекстовым библиотекам и медиатекам, учебным материалам и т.п. — и к средствам организации обучения в режиме онлайн в различных формах (традиционной, дистанционной, комбинированной)[2].

При этом возникает необходимость по новому взглянуть на миссии библиотек, претерпевших глубокие изменения, связанные с развитием сетевых технологий и электронных ресурсов в постиндустриальном обществе [2]. Пятью крупнейшими академическими библиотеками США являются библиотеки Гарвардского университета (совокупный фонд 14 190 704 экз.), Йельского университета (10 294 792 экз.), университета Иллинойса в Урбане-Шампэйн (9 302 203 экз.), университета Калифорнии в Беркли (8 946 754 экз.) и университета Техаса в Остине (7 783 847 экз.) [9]. Библиотеки с фондом более чем 1 млн экземпляров, существующие в университетах с сильными исследовательскими программами, являются членами Ассоциации научных библиотек – ARL (the Association of Research Libraries), организованной в 1932 г. и объединяющей в настоящий момент более 120 библиотек [6]. Именно академические библиотеки чаще всего выступают инициаторами проектов в области использования современных информационных технологий и апробируют новые продукты и виды услуг. Так, библиотеки университетов и колледжей штата Огайо в 1967 г. положили начало организации OCLC (Online Computer Library Center), олицетворяющей сегодня для всего мира идею библиотечной кооперации через компьютерные технологии и

развившейся от учреждения, ориентированного на потребности 54 академических библиотек одного штата, до организации мирового масштаба, объединяющей на сегодняшний день более 39 517 библиотек разных типов из 76 стран[8].

Обычно Вэб-сайт университетской библиотеки США является частью более общего сайта университета, и его легко найти с главной страницы. Он содержит основную контактную информацию о библиотеке: часы работы, адрес, номер телефона, адреса электронной почты постоянных сотрудников библиотеки, часто указания на то, как найти библиотеку на территории кампуса, информацию о парковке. Непременным элементом сайта является информация о миссии библиотеки, ее истории, отделах и услугах, новостях, выставках, коллекциях. Американские библиотеки активно используют свои сайты для продвижения информации о специальных коллекциях, т.е. наиболее уникальных и подчеркивающих своеобразие библиотек информационных ресурсах. Крупные библиотеки размещают на сайтах базы данных электронных адресов своих сотрудников с поисковой функцией. Элементом библиотечного Вэб-сайта также могут стать фотографии и даже звуковые файлы.

Доступ к онлайн-энциклопедиям и словарям, электронным журналам также является элементом современного Вэб-сайта. В дополнение к собственным ресурсам, которыми библиотеки либо владеют сами, либо покупают к ним доступ, на их сайтах размещаются коллекции полезных Интернет ссылок, списки Интернет адресов. Некоторые университетские библиотеки поддерживают целые путеводители по сайтам Интернет с возможностями расширенного поиска по ключевым словам и дескрипторам.

Служба межбиблиотечного абонеента (МБА) имеет в университетских библиотеках США огромное значение, которое возрастает по мере того как бюджеты библиотек сокращаются, а цены на книги и в особенности на серийные издания растут. Для пользователей университетских библиотек запросы материалов по МБА – привычное и частое дело, поэтому удобство и быстрота в предоставлении этого вида библиотечного сервиса имеют большое значение. Заказы на МБА, как и обновление сроков пользования книгами и заказы на книги, можно оформить через библиотечные Вэб-сайты. Служба МБА OCLC – это уникальная глобальная сеть, позволяющая использовать для выполнения заказов ресурсы более чем 6700 библиотек, информационных центров и поставщиков документов [8]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что университетские библиотеки США широко применяют в своей деятельности компьютерные технологии. Они являются признанными лидерами в этой области и часто выступают пионерами

в реализации проектов и освоении форм информационного сервиса, опирающихся на технологические инновации.

Анализ содержания сайтов ведущих американских университетов, ориентированного на "внутреннее потребление", позволяет говорить о наличии стандарта "де-факто" в их структуре. В частности, в нем можно выделить два основных направления – информационное и коммуникационное. Информационное направление представлено в виде разнообразной справочной информации, позволяющей студенту и преподавателю свободно ориентироваться в вопросах организации учебного процесса (расписание лекций, спецкурсов, практических занятий; учебные планы, список литературы, ее наличие в библиотеке; информация о зачетах и экзаменах, список вопросов к ним и т.п.). Кроме обычного доступа к такой справочной информации, американский студент имеет возможность получения справки в режиме "вопрос-ответ" по наиболее часто задаваемым вопросам. Однако доминирующую часть этого направления составляют электронные информационные ресурсы, такие как мультимедийные учебники, разнообразные книги, журналы, учебные пособия, документация, дипломные работы выпускников, диссертации, пакеты программ и т.д. Коммуникационная же составляющая предоставляет студенту и преподавателю возможность общения в режиме on-line или посредством электронной почты.

Как же выглядит ситуация в российских вузах с адаптацией к новым технологиям и идеям научно-технического прогресса в целом.

В начале 90-х годов более чем в тридцати университетах при поддержке фонда Сороса были созданы центры информационных технологий и Web-мастерские. Сегодня уже около 70 российских классических университетов имеют свое представительство в глобальной сети. В основном это информационные сайты, на которых представлены общие сведения о подразделениях, руководстве, преподавателях, контактная информация, новостная лента, описание проектов и прочее. Лучшие из этих сайтов имеют справочные системы по студентам, сотрудникам и телефонам подразделений, в редких случаях содержат методические материалы по предметам и курсам, связь с библиотечными системами. Обычно сайты вузов содержат статическую информацию, обновляющуюся ограниченным коллективом (3-5 человек) вручную. Таким образом, веб-представительство вуза очень часто сводится к созданию электронной версии визитной карточки. И хотя сайты университетов постоянно совершенствуются, особенно в визуальном плане, однако, ресурсов, полезных для учебно-образовательных целей, на них пока еще недостаточно. При этом вовсе не техническая сторона передачи информации является лимитирующим фактором. Проблема в отсутствии самой информации, представлен-

ной в электронной форме, т.е. в том виде, когда для ее передачи и поиска могут быть использованы возможности телекоммуникации. Специализированные подразделения, деятельность которых направлена непосредственно на разработку образовательных ресурсов, созданы пока в ограниченном числе университетов [4]. Так в Сибирском федеральном университете образован Отдел информационных ресурсов, основная задача которого создание электронных учебно-методических пособий и размещение их на Web-сервере в Интернете. Аналогичный по задачам Центр электронных публикаций и мультимедиа-технологий имеется в Уральском государственном университете. Преподаватели, научные сотрудники и студенты часто по своей инициативе создают учебные материалы в электронной форме и размещают их на университетских сайтах.

Что касается оформления, общий дизайн Вэб-сайтов российских университетов достаточно сдержан. Эти сайты обычно не злоупотребляют применением большого количества графики и слишком ярких цветов, не “мигают” и редко “движутся”. Функциональность, информативность и стабильность определяют их структуру, поисковые возможности. В то же время нельзя сказать, что все сайты подгоняются под какой-то заданный стандарт и максимально унифицируются. Практически на каждом университетском сайте есть информация для абитуриентов. В отдельных случаях она выглядит излишне краткой и формальной, но в большинстве случаев ей уделено серьезное внимание.

Форма представления образовательных ресурсов не отличается многообразием, однако, позволяет эффективно работать с представленным материалом. Лекции и другие учебные материалы представлены главным образом в текстовом формате (html или pdf) и частично структурированы с использованием стандартных возможностей гипертекста. Изданий, при подготовке которых полностью использовались бы возможности Веб-технологий, еще мало и это направление находится пока в стадии становления. В то же время, ряд такого рода изданий уже имеется. Здесь необходимо отметить электронную энциклопедию по линейной алгебре акад. Воеводина (lineal.gugu.ru), мультимедийный учебник "Русская фонетика", подготовленный на филологическом факультете МГУ (www.philol.msu.ru/rus/galya-1), два школьных учебника по химии, разработанные преподавателями самарского и новосибирского университетов [3]. За последнее время появилась возможность работы через Интернет с электронными каталогами многих университетских библиотек (Петрозаводский, Иркутский, Уральский, Ярославский, Тверской, Томский, Алтайский, Якутский, Удмуртский и др.). В ряде случаев библиотеки региона

объединяются в единую корпоративную библиотечную сеть. При этом, как правило, обеспечивается поиск литературы сразу во всех каталогах сети.

Важным моментом в деятельности российских университетов является публикация научных статей. Многие годы в каждом университете традиционно издавался "Вестник" университета. За последнее время, в силу объективных причин, число таких изданий сильно сократилось. Однако ряд таких изданий продолжается, но не в печатной, а в электронной форме на сайтах Алтайского, Башкирского, Калининградского, Московского, Новгородского, Омского, Оренбургского, Самарского, Томского, Тюменского, Уральского университетов. Все перечисленные издания испытывают определенные трудности в подготовке статей и их публикации [1]. Многие авторы считают, что есть смысл рассмотреть вопрос об издании единого общероссийского веб-издания университетского "Вестника", создав редакцию из представителей всех университетов.

В ряде университетов приоритетным направлением в использовании информационных технологий стало дистанционное образование. Соответствующая информация имеется на сайтах РУДН, университетов Новгородского, Томского, Ростовского, Уральского, Тюменского, Тульского и Дальневосточного государственных университетов. Среди российских университетов наметилась группа лидеров в освоении и использовании информационных технологий. К ним без сомнения можно отнести Московский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Сибирский федеральный университет и некоторые другие крупные вузы.

Информация на сайтах этих университетов имеет не только презентационный или административно-справочный характер, но содержит материалы, востребованные студентами и преподавателями и полезные для учебных целей. Сайты такого рода постепенно становятся неотъемлемой частью образовательной системы, наряду с печатными изданиями учебных материалов, лекциями и другими классическими атрибутами учебной деятельности. Однако существенным недостатком в формировании информационного наполнения университетских сайтов является отсутствие координации в распределении труда по созданию ресурсов[1].

Мировой опыт показывает, что ведущие университеты уделяют огромное внимание созданию собственных информационных ресурсов в Интернете. Если говорить более точно, видимая внешнему пользователю часть этих ресурсов, есть лишь верхушка этого "информационного айсберга". Тогда как "подводная" его

часть (70-80%) предназначена в основном для внутреннего пользователя, т.е. для пользователей интранета. Так на сервере Гарвардского университета (старейший университет США, основан в 1636, 18 000 студентов) число университетских сайтов превышает 1100. На сервере Принстонского университета (США, основан в 1746, около 6 500 студентов) размещено 570 университетских сайтов. На сервере Кембриджского университета (Великобритания, основан в 1209, 15 000 студентов) размещено 250 университетских сайтов. Для сравнения: на сервере Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (основан в 1755, 32 000 студентов) насчитывается порядка 70 университетских сайтов. Объективности ради, отметим, что сегодня в России это наиболее продуктивно работающая система сайтов, ориентированная, прежде всего на активное использование имеющихся информационных ресурсов в учебной и научной деятельности МГУ.

Итак, все вышесказанное позволяет сделать вывод, что университеты США обладают сегодня возможностями удовлетворения информационных потребностей своих пользователей на качественно ином, по сравнению с российскими вузами, уровне. Несомненно, в настоящее время российские университеты медленно, но верно осуществляют становление научно-технического и информационного пространства. И некоторые крупные университеты России уже вполне могут конкурировать с американскими вузами. Однако так как данный процесс зародился в вузах России сравнительно недавно (конец 80-х – начало 90-х), мы все еще во многом уступаем университетам США. Накопленный ими в течение нескольких десятилетий опыт представляет большой интерес для практического применения в российских условиях.

Список источников:

1. Андреа Зорба. Рунет – зеркало российской безграмотности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/zorba5.html> [Дата обращения: 1 марта 2008 г.]
2. Еременко Т.В. Современные информационные технологии в университетских библиотеках США/ Ряз. гос. пед.ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 2001. – 120 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orel.rst.ru/nettext/Russian/eremenko/book.html> [Дата обращения: 3 марта 2008 г.]
3. Казанская О.В. Формирование информационной образовательной среды технического университета/ О.В. Казанская, В.И. Гужов// Университетское управление: практика и анализ. – 2003. - № 4(27). С. 57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/univman/msg/152432.html> [Дата обращения: 3 марта 2008 г.]
4. Лунин В.В., Мельников М.Я., Минялов В.В., Покровский Б.И. Образовательные ресурсы на сайтах российских классических университетов (современное состояние и перспективы). X Всероссийская научно-методическая конференция “Телематика’ 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tm.ifmo.ru/tm2003/db/doc/get_thes_php?id=267 [Дата обращения: 3 марта 2008 г.]

5. Портал НГТУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bit.edu.nstu.ru/archive/issue-4-2006/portal_ngtu_161/ [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
6. About ARL. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arl.org/arlfacts.html> [Дата обращения: 1 марта 2008 г.]
7. Glossary of Internet Terms/by Walt Howe. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.walthowe.com/glossary/> [Дата обращения: 1 марта 2008 г.]
8. History of OCLC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oclc.org/about/history/> [Дата обращения: 1 марта 2008 г.]
9. The Nation's Largest Libraries. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ala.org/library/fact22.html> [Дата обращения: 1 марта 2008 г.]
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.berkeley.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvgu.ru/> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.harvard.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lan.krasu.ru/> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgu.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.princeton.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stanford.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yale.edu> [Дата обращения: 9 марта 2008 г.]

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ НА СТРАНИЦАХ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 50-90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

А.В. Кухарская
аспирантка кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Общеизвестно, что прогресс науки и культуры возможен только в том случае, если учитываются предшествующие достижения, получающие отражение в литературе. Современная научная литература, как писал академик С.И. Вавилов, представляет собой огромное богатство, размеры которого превышают 50 млн. библиографических единиц. Задача высшей школы – прежде всего дать в руки студента ключ к этой сокровищнице мирового знания¹.

Технический прогресс невозможен без знания состояния зарубежной науки. А для этого необходимо знать иностранный язык. Поэтому преподавание иностранного языка в высшем учебном заведении является частью общей подготовки специалистов.

Целью данной статьи является систематизация публикаций журнала «Almar Mater - Вестник высшей школы», выявление основных проблем в

преподавании иностранного языка во второй половине XX в. Нами была обработана информация за период 1950 –1994 гг. В этот период на страницах журнала «Almar Mater» освещались разнообразные проблемы преподавания иностранных языков: от постановки вопроса о содержании обучения до презентации новых методов преподавания иностранных языков в вузах и опыте работы в этом направлении отдельных кафедр. В процессе исследования было выявлено 89 публикаций, непосредственно связанных с вопросами преподавания иностранных языков в вузе. Необходимо отметить, что наибольшее количество статей было опубликовано в 50-60-е годы. Их количество доходило до 10 в год. В последующие годы количество публикаций по проблемам преподавания иностранных языков из года в год уменьшалось. В 70-е годы на страницах журнала публиковалось по 3-4 статьи, - число снизилось до 3-4 в год, с 80-х годов не более 1-2 статей. В период с 1990 по 1994 гг. не было опубликовано ни одной статьи по вопросам преподавания иностранных языков в вузе, что отражает общее состояние отечественного образования в период радикальных изменений во всех сферах российского общества.

Анализ публикаций позволяет сделать вывод о серьезных изменениях, происшедших в преподавании иностранных языков в высшей школе в послевоенный период.

Начало этим изменениям было положено в 1949 г. выходом в свет новой программы Министерства высшего образования по иностранным языкам. В ней указывалось, что главный недостаток методики преподавания иностранных языков – формализм, который проявлялся прежде всего в том, что формы языка изучались в отрыве от их содержания. Как пишут М.В. Гумилева, Н.Д. Кучин и Е.И. Сахаров «курс иностранного языка искусственно делят на отграниченные друг от друга разделы (фонетика, грамматика, лексика, перевод), теоретический курс сводят к механической сумме «правил и исключений». Студентов обучают формальному применению изучаемых правил на грамматических упражнениях»². Согласно новой программе Министерства высшего образования СССР теперь все разделы курса должны были освещаться в их диалектической взаимосвязи, и призваны служить развитию, как теоретических знаний, так и практических умений и навыков студентов.

Изучение иностранного языка вводилось во всех вузах на 1- 4 курсах. Цель изучения – подготовка студентов первого и второго года обучения к самостоятельной работе над иностранным текстом (завершение теоретического курса, накопление словарного запаса, развитие навыков перевода) и использование в

последствии полученных знаний и навыков для самостоятельного чтения и перевода оригинальной иностранной литературы по специальности. Другими словами, обучение было ориентировано на освоение технических знаний, полученных зарубежными специалистами и оно было связано с развитием научно-технического прогресса в различных областях науки.

На изучение иностранного языка на первых 2-х курсах в учебных планах университетов и инженерно-физических специальностей всех вузов отводилось 240-270 часов, в учебных планах прочих вузов – 140. Студентам 3-го и 4-го курсов всех специальностей на изучение иностранного языка отводилось по 2 часа в неделю. Посещение этих занятий было свободное, но сдача зачетов и экзаменов обязательна³.

Кафедрам иностранных языков предлагалось не дублировать школьный курс и повышать требования к студентам. Кроме этого, в вузе следовало продолжать изучение иностранного языка, которому студент обучался в школе.

Главной задачей преподавания иностранного языка в высшем учебном заведении являлось обучение чтению и переводу. Развитие навыков устной речи не ставилось как практическая задача. Устная речь использовалась в основном как средство для усвоения строя языка, закрепления пройденной грамматики, накопления активного запаса слов и как одно из средств подведения к бестрансформационному пониманию текста.

Большое внимание уделялось на занятиях анализу и переводу текстов, определению грамматических форм и оборотов в тексте. Применение устных пересказов, письменного изложения на иностранном языке проработанного текста считалось неоправданным. Таким образом, преобладал переводно-грамматический метод обучения.⁴

Основным недостатком этого метода является то, что учащиеся приобретают лишь теоретические знания, а практической речью не овладевают. Поэтому у студентов наблюдался разрыв между знаниями и умением их применять. Например, как пишет Е.И. Сахаров, «многие знают правила чтения, но не умею правильно читать, ставить ударение; нередки случаи «буквализма» в переводе, неумение связать знакомые слова в предложение»⁵.

В сентябре 1955 г. Министерство высшего образования СССР издало приказ о необходимости значительного улучшения преподавания иностранных языков. В качестве основных недостатков указывались преобладание грамматического материала на аудиторных занятиях, к тому же не всегда связанного с лексическим материалом; недостаточное использование таких эффективных методов обучения, как пересказ, заучивание наизусть и т.п.; изучение языка по адаптирован-

ным, упрощенным текстам и совершенно недостаточное использование оригинальной литературы⁶. Перед преподавателями иностранного языка вузов ставилась задача – так научить студентов иностранному языку, чтобы они могли на нем говорить. Таким образом, иностранный язык начинают воспринимать как средство международной коммуникации. Для того, чтобы повысить мотивацию изучения иностранного языка, на занятиях стали, уделять больше, внимания оригинальным текстам, информацию из которых студенты могли бы потом использовать при подготовке курсовых и дипломных работ. Также стали обучать основам конспектирования, реферирования и аннотирования оригинальной литературы на иностранном языке, что позволяло понять содержание оригинального текста без предварительного его перевода.

В преподавании иностранных языков стал использоваться комплексный метод преподавания иностранного языка, в соответствии с которым аспекты языка – лексика, грамматика и фонетика – в процессе обучения взаимосвязаны, взаимообусловлены, и язык, таким образом, предстает перед студентами как одно целое. Благодаря тому, что всем аспектам языка студентов обучал один преподаватель, ликвидировалось дублирование теоретического материала, а благодаря введению комплексного экзамена по языку высвобождалось много времени для практических упражнений в области устной и письменной речи, для самостоятельной работы студентов, для методической и научной работы преподавателей⁷. Преподаватель получал возможность дозировать грамматический и фонетический материал, исходя из конкретных условий, существующих в данной группе, и учитывая глубину знаний, которыми обладает каждый студент.

Однако советские методисты полагали, что с помощью такого комплексного или «прямого» метода все же трудно добиться достаточно хороших практических речевых умений и достаточно прочного их закрепления. Поэтому они разработали новый метод обучения иностранному языку, который получил название сознательно-практический.

Решающим фактором овладения иностранным языком стала рассматриваться тренировка учащихся во всех видах речи на иностранном языке, то есть в слушании, чтении, говорении и письме. Только в условиях такой разносторонней иноязычно-речевой практики у них должно развиваться умение пользоваться изучаемым языком, опираясь на вырабатывающиеся при этом речевые навыки. Практическое овладение иностранным языком становится возможным лишь при наличии мышления на этом языке и чувства изучаемого языка. Необходимо добиваться, чтобы во время занятий студенты «забывали»

своей родной язык и, пользуясь иностранным языком, не испытывали бы никакой нужды в переводе. Перевод не следует считать основным средством обучения. Лучше всего от обучающихся требовать не запоминания готовых фраз и предложений и не заучивания наизусть различных текстов, а произвольного комбинирования иностранных слов и грамматических конструкций. При этом необходимо постоянно придерживаться принципа новизны речевого материала. Также нужно стремиться развивать у студентов внутреннюю иноязычную речь. А этому в основном способствует восприятие устной речи. Поэтому студент должен много слушать иностранной речи как на занятиях, так и вне их.

В связи с необходимостью широко использовать звуковую и световую технику (магнитофоны, лингафоны, кинофильмы и т.п.) О.А. Громова предложила принять на вооружение аудиовизуальный метод, распространенный за рубежом⁸. Этот метод основан на звуковом и зрительном восприятии. Его целью является создание у учащихся ассоциативных связей с определенными ситуациями. На занятиях широко используются технические средства – диа- и кинофильмы, магнитофон. На начальной ступени обучения применяется диафильм и диалог, записанный на магнитофоне. Кино используется тогда, когда уже подытоживается какая-нибудь тема. Обучение на основе аудиовизуального метода полностью исключало перевод на родной язык. Создатели этого метода считали, что на начальной стадии обучения перевод мешает слушателям думать на иностранном языке.

Основная особенность аудиовизуального метода – его чисто фонетический характер. Весь курс обучения проводится устно. Все усилия преподавателя сосредотачиваются на том, чтобы заставить студентов услышать звук, различить его среди других и затем воспроизвести. Кроме того, надо добиться, чтобы учащиеся поняли смысл всей семантической группы, а не каждого слова в отдельности⁹.

В 1968 г. была опубликована новая программа Министерства высшего образования по иностранным языкам. В ней по сути закреплялись предыдущие установки. Перед преподавателями вузов ставилась задача научить студентов практическому владению иностранным языком, то есть научить читать оригинальную литературу по специальности с целью получения нужной информации; вести беседу, делать сообщения и понимать иностранную речь на слух на основе изученного языкового материала. Высшие учебные заведения должны были усовершенствовать учебный процесс. Необходимо было установить прочную связь изучения иностранного языка с профилирующими дисциплинами, с будущей профессией студентов. Выпускник неязыкового вуза должен был уметь пользоваться научной и научно-технической информацией на иностранном языке¹⁰. Таким образом, в по-

следующее десятилетие преподаватели вводили новые методики в вузах, по-новому организовывался учебно-воспитательный процесс. На первых двух курсах была установлена коллективно-групповая форма занятий, с обязательным посещением, на старших курсах – факультатив, который, по замыслу авторов учебного плана и программы, должен был готовить студентов к активной самостоятельной работе в условиях, максимально приближенных к реальному производству. На завершающем этапе обучения в период профессионального становления необходимо было исключить бездеятельность на занятиях. Именно поэтому факультатив был уместен и методически оправдан, считал доцент Московского горного института В.П. Ваганов¹¹. На факультативных занятиях студент должен был освоить терминологическую лексику, наиболее употребительные фразеологизмы, словообразовательные морфемы и модели подъязыка изучаемой специальности, основные способы выражения модальности и других категориальных признаков, изучить ряд мировоззренческих и профессиональных тем, связанных с будущей профессией.

В 80-е годы интенсификация обучения стала главной задачей развития всей системы образования. Не снижая требований к качеству знаний и умений студентов, необходимо было добиться повышения темпов обучения и формирования специалиста нового типа, сочетающего широкий научный кругозор с подлинным профессионализмом, высоким уровнем творческих способностей¹². Достижение этих целей невозможно было без теоретического обоснования и внедрения в практику преподавания новых, более совершенных методов, позволяющих увеличивать объемы учебной информации, активизировать познавательную деятельность обучаемых, мобилизовать их творческие способности. Важным импульсом развития этих методов в советских вузах послужили работы Г. Лозанова, концепция которого (суггестопедия) стала как бы первичной основой интенсивного обучения. Результатом применения интенсивных методов было развитие у обучаемых коммуникативной способности, возможность активно участвовать в общении на изучаемом языке. Специфика данной системы – метода активизации возможностей личности и коллектива – заключалась в использовании того потенциала, который открывается при рассмотрении учебной группы как временного коллектива, осуществляющего совместную деятельность. Группе учащихся предлагалось совместно реализовать внеучебную цель.

Особенность интенсивного обучения состояла в том, что учебный процесс сохранял все социально-психологические аспекты истинного общения, которое и

воспринималось обучаемыми как цель их речевого или неречевого действия в условиях, моделирующих их будущую внеучебную коммуникативную деятельность. В результате организованных таким образом занятий изменялось отношение обучаемого к самому предмету, который представлялся ему уже не только объектом познания, но и средством удовлетворения потребности в определенных отношениях с членами группы. Тем самым установка на готовность к обучению органически включала в себя ответственное отношение к учебе.

Интенсивное обучение обеспечивало достижение учебно-воспитательных целей за минимальный срок при максимальном объеме учебного материала. Реализация такого метода требовала повышения активности преподавателя, максимальной мобилизации его личностных и профессиональных возможностей.

Таким образом, каждый из когда-либо используемых методов имел свои преимущества и недостатки. Переводно-грамматический метод привлекателен тем, что опирается на дидактический принцип сознательности. Но его основной порок состоял в том, что сознательность переносилась с процесса овладения или усвоения языка на практическое владение языком, которое в силу этого оказывалось также сознательным, в то время как подлинное владение языком носит бессознательный, интуитивный характер. Прямой метод обучения хорош тем, что учащиеся учатся владеть языком интуитивно. Однако у него есть серьезный недостаток: интуитивность переносится с владения языком на процесс овладения, тогда как дидактика требует сознательности усвоения. Используя способы и приемы сознательно-практического метода обучения, преподаватели могут реализовать дидактический принцип сознательности и добиться практических целей обучения – интуитивного владения иностранным языком. Однако, процесс активного овладения иностранным языком очень сложен.

Публикации журнала «Almar Mater - Вестник высшей школы» отразили новую тенденцию в преподавании иностранных языков в вузах – усиление практической направленности, которая обеспечивала подготовку специалиста, умеющего свободно пользоваться, прежде всего, научно-технической информацией на иностранном языке. В качестве одной из основных выдвинулась проблема выработки универсальной методики преподавания, которая позволила бы обучаемым овладеть иностранным языком в совершенстве.

---

¹ Терентьев П.В. Обязательное условие успешной подготовки кадров // Вестник высшей школы. 1955. № 12. С. 50.

-
- ² Гумилев М.В., Кучин Н.Д., Сахаров Е.И. Некоторые вопросы преподавания иностранных языков // Вестник высшей школы. 1950. № 4. С.42.
- ³ Вооружить студентов прочными знаниями (В Министерстве высшего образования СССР) // Вестник высшей школы. 1955. № 12. С.53-54.
- ⁴ Гумилева М.В., Кучин Н.Д., Сахаров Е.И. Указ.соч. С.43-46.
- ⁵ Перестройка преподавания иностранных языков (обзор статей) // Вестник высшей школы.- 1953. № 8. С.23.
- ⁶ Знать иностранные языки (обзор статей) // Вестник высшей школы. 1957. № 9. С.59-61.
- ⁷ Бенедиктов Б.А., Ярнатовская В.Е. О методике преподавания иностранных языков // Вестник высшей школы.- 1960. №9. С.32-34.
- ⁸ Громова О.А. Аудиовизуальный метод за рубежом // Вестник высшей школы. 1964. № 4. С.57-60.
- ⁹ Беляев Б.В. Активно создавать передовую методику // Вестник высшей школы. 1961. № 10. С.44-48.
- ¹⁰ Чемоданов Н.С., Синявская Е.В., Морозенко В.В. Новая программа и задачи кафедр // Вестник высшей школы. 1969. № 5. С.31-35.
- ¹¹ Ваганов В.П. Используются различные виды учебной работы // Вестник высшей школы. 1981. № 3. С.35-37.
- ¹² Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам // Вестник высшей школы. 1986. № 9. С.39-41.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ. (ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ РУССКИХ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. (50-Е ГГ. XIX – 40-Е ГГ. XX В.)

Л.М. Гараева

соискатель кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

В глобальной мировой политике все большее значение играет Азиатско-Тихоокеанский регион. Стремление России занять достойное место в этом огромном политико-экономическом и культурном пространстве обусловлено экономическими, социально-политическими и территориальными предпосылками. Налаживая в XXI в. политические, экономические и культурные связи, не следует забывать опыт вековой давности, исторически обусловивший присутствие русских на данной территории.

***

Территориальные предпосылки закладывались в XVII в. и связаны с освоением Приамурья – территории в то время пустынной, но входившей в зону влияния Китая. На территориях к востоку от Урала не существовало общественных образований с признаками государства (кроме Маньчжурии)¹, следовательно, не существовало государств, которые могли бы быть

захвачены российскими военными формированиями. Русские землепроходцы, осваивая неизведанные земли, закладывали военные посты. На языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока русских называли не колонизаторами или завоевателями, а землепроходцами. Это определение укоренилось не только в быту народов Сибири и Дальнего Востока, но применялось и в трудах русских теоретиков, обосновывавших геополитические концепции России (П.Н. Савицкий, Л. Гумилев, В. Кожин). Якутский острог, основанный в 1632г. сотником Бекетовым, стал центром, из которого отправлялись на юг партии русских отрядов землепроходцев. В 1638 году послан был из Енисейска атаман М. Перфильев на р. Витим, чтобы, поднявшись по ней, разведать о Даурской земле – так тогда называли и Приамурье, и Забайкалье. В 1643 г. состоялась первая экспедиция русских на Амур под начальством В. Пояркова. Е. Хабаров совершил несколько походов на Амур и в 1651г. поставил на Амуре острог Албазин, а уже в марте 1652г. здесь впервые произошло вооруженное столкновение с китайскими отрядами. В 1653 , 1654 гг. отряд казаков под руководством Степанова продолжил обследование бассейна р. Амур, совершил плавание по р. Уссури, собрал сведения об её притоках Хор, Бикин, Иман, землепроходцы вышли к берегам оз. Ханка.

Для России и Китая реки Аргунь, Амур, Уссури далеко не сразу стали пограничными. Они протекали по обширной территории, заселенной независимыми племенами, до которой ни России, ни Китаю первоначально не было никакого дела. Завоевание Китая маньчжурами, основавшими династию Цин, активизировало деятельность по приведению в покорность населения Приамурья. Это подтолкнуло русских к политике расширения зоны влияния на данной территории, так Ерофей Хабаров получил в 1654 г в Москве чин сына боярского за приведение того же населения в российское подданство. Со второй пол. XVII в. направлялись в Северо-восточную Азию отряды казаков, а вместе с ними купцы и первые группы поселенцев, которые занимались земледелием и различными промыслами. Присоединение Приамурья к русскому государству и продвижение маньчжуров на север и северо-восток привели к территориальному соприкосновению обоих государств. В августе 1689 г. в Нерчинске прошли переговоры между дипломатическими представителями Русского государства и империи Цин, завершившиеся подписанием первого в истории русско-китайского договора².

XVII век был ознаменован для России освоением русскими землепроходцами Сибири и Дальнего Востока и расширением территориальных владений в Азии,

однако экономическое и промышленное освоение этого региона станет возможным лишь через столетие, когда геополитическая стратегия Российской империи будет переориентирована с Запада на Восток.

***

Интенсивное изучение и освоение Северо-восточной Азии возобновилось с нач. 50-х гг. XIX века. Поражение России в Крымской войне изменило в корне расстановку сил на мировой арене. Потеря влияния на Балканах и Ближнем Востоке поставили перед Россией задачи, по которым она вынуждена была искать для обеспечения развития собственной промышленности новые сырьевые источники и новые колонии. В недрах страны необходимо было изыскать имеющийся потенциал Великой империи, чтобы восстановить статус политического лидера и Великой державы. Впервые Дальний Восток стал приоритетным регионом в российской внешней политике. Перед естествоиспытателями встала задача глубокого и последовательного изучения Северо-восточной Азии.

В 1849г. генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев (Амурский) организовал экспедицию под командованием Г.И. Невельского. Амурская экспедиция Г.И. Невельского (1851-1854 гг.) провела целый ряд исследований реки Амур и подтвердила, что "только верхнюю часть Амура от Усть-Стрелки до устья Буреи можно считать принадлежащей Китаю". Основав, в устье Амура Николаевский пост и подняв там русский флаг, Г.И. Невельской сделал заявление: «...весь Приамурский край до Корейской границы с островом Сахалин составляет Российские владения».

С сер. XIX в. начнутся систематические гидрографические, геодезические, физико-географические и этнографические исследования Дальнего Востока экспедициями кораблей российского флота и русскими первопроходцами, направляемыми Российской академией наук. Исследования в Северо-восточной Азии будут проводиться с целью экономического освоения дальневосточных территорий, упрочения границы России и обеспечения ее военно-стратегического потенциала.

Систематические гидрографические исследования на Дальнем Востоке начались с Амурской экспедиции Г. И. Невельского (1862-1863). Комплексные исследования продолжили К. С. Старицкий (1868-1870), Л. П. Елагин (1870-1874), Э. В. Майдель (1874-1879). В 1879 г. под начальством А. С. Стенина была сформирована Отдельная съемка Восточного океана, преобразованная в 1897 г. в Гидрографическую экспедицию Восточного океана. Она предназначалась для

выполнения морской описи в дальневосточных морях России и в Желтом море в интересах Тихоокеанской эскадры.

Создание Русского географического общества (1845 г.), которое направляло бы усилия исследователей на решение наиболее важных географических задач, непосредственно было связано с путешествиями академика Миддендорфа в Приамурский край. В 1844 г. российский естествоиспытатель и путешественник А. Миддендорф возглавил первую геологическую экспедицию на территории Приамурья. В своих отчетах А. Миддендорф засвидетельствовал, что в Приамурье не только не существует фактической русско-китайской границы, но и степень китайского влияния на местное население невысока.³

В деятельности Русского географического общества работы по изучению Азии заняли ведущее место. Экспедиции, направляемые географическим обществом во второй половине XIX века ставили своей задачей исследование малоизученных районов Сибири, Дальнего Востока и северо-западной Монголии для дальнейшего территориального и экономического их освоения. Так состоялись Северо-Уральская (1847-1850), Сибирская (1853 – 1862), Чукотская (1868-1870) экспедиции; острова Сахалина для выяснения возможности его колонизации (1880-1881), четыре блестящие экспедиции Пржевальского в северо-западную Монголию, экспедиция Потанина в Тибет. Географами, этнографами, натуралистами исследовались среднеазиатские владения Российской империи, значительно расширились научные представления о природных богатствах территории. В результате были сделаны многочисленные открытия, собран ценнейший материал по географии, геологии, ботанике, зоологии и этнографии. Экспедицией Н.П. Аносова в 1858 г. были открыты золотоносные месторождения по рекам Уссури и Сунгари. Биолог Р. К. Маак, этнограф Л.И. Шренк в своих экспедициях собрали значительный полевой материал, который лег в основу исследований об инородцах Амурского края. Н. Я. Бичурин (Иакинф) еще в 1826 г. определился переводчиком китайского языка при министерстве иностранных дел. Его оригинальные труды долгое время служили русским главными источниками для изучения Китая.⁴

Ученые – естествоиспытатели внесли несоизмеримый вклад в развитие Дальнего востока, занимаясь административной деятельностью. Таковым являлся крупный исследователь-этнограф народностей Западной и Северо-Восточной Сибири, видный сибирский администратор и глава Амурской экспедиции (1910 гг.) Н.Л. Гондатти.⁵ В 1910 г. Николая Львовича назначили руководителем крупнейшей за всю историю географических исследований экспедиции по обследованию Сибири и Дальнего Востока. Задачами

Амурской экспедиции являлись: 1). Изучение местности, прилегающей к линии постройки Амурской железной дороги, в видах определения пригодности ее для заселения и выяснения находящихся в ней естественных богатств; 2). Разработка предложений по устройству новых и улучшению существующих путей сообщений; 3). Выявление станций Амурской дороги и пунктов, которые могли развить поселки городского типа; 4). Составление предложений о дальнейших мерах к наилучшей постановке колонизационного дела в районе Амурской железной дороги и развитию промышленно-экономической деятельности. В составе экспедиции Н.Л. Гондатти сформировал отряды специалистов: Почвенноботанический, Агрономический, Статистический, Гидротехнический, Лесной, Дорожный и Геологический. Экспедиции удалось ответить на многие вопросы, что дало толчок систематическому и планомерному изучению Дальнего Востока.⁶

Во второй половине XIX века Китай подвергся экспансии иностранных государств. Вслед за Англией, Францией, Германией, США и Японией в этот процесс постепенно включилась и Россия. В 1881г. Россия и Китай урегулировали Петербургским договором разногласия в районе среднеазиатской границы, а в 1891г. Россия начала строительство Сибирской железной дороги, ставшей главной транспортной артерией для российского Приамурья. Железная дорога была изначально задумана как чисто экономический проект, но международная ситуация складывалась так, что она приобрела стратегическое значение.⁷ Договор о союзе и о постройке КВЖД был подписан 1 июня 1896 г. Договор был одним из звеньев внешнеполитической доктрины Витте по мирному проникновению в Китай. Предполагалось, что Россия получит права на строительство железной дороги, по которой можно быстро осуществить переброску войск на Дальний Восток. Это должно было помочь усилению русского влияния в Северном Китае и Манчжурии. Основой договора была русская концессия на строительство и эксплуатацию КВЖД. Для реализации проекта было создано Общество Восточно-Китайской железной дороги, фактически находившееся в полном распоряжении правительства, учредителем дороги выступил Русско-Китайский банк. По условиям секретного договора, общество, а фактически российское правительство, получало под железную дорогу полосу отчуждения, где становилось полновластным хозяином. Кроме того, Россия брала на себя обязательство защищать китайскую территорию от возможной японской агрессии.

С начала постройки КВЖД в главнейших пунктах линии стала зарождаться гражданская жизнь, постепенно образовались русские поселки. Центром

явился Харбин, расположенный на пересечении дороги с одной из главных рек Маньчжурии Сунгари, долина которой принадлежит к плодороднейшим и наиболее заселенным районам Северной Маньчжурии: « Проложение русской ж.д. через Север Маньчжурии, ныне постепенно заселяемой, и образование в полосе дороги русских поселков с городом Харбином во главе, куда стекается для экспорта и, отчасти, для переработки сырья с Северной Маньчжурии, равно как из Монголии, дают возможность использовать естественные богатства края русским людям и закрепить местные рынки за отечественной торговлей», - отмечалось в одном из документов, регламентирующих земельные владения иностранцев в Северной Маньчжурии⁸.

Во второй половине XIX – начале XX веков геологами и исследователями Сибири и Дальнего Востока Р. К. Мааком, П. Ф. Унтербергером, Э. Э. Анертом и Ф. П. Рябушинским в связи со строительством Сибирской железной дороги были приняты экспедиции по изучению Приморской области, Маньчжурии, долин рек Амур и Уссури. Результаты экспедиций и изысканий описывает в своих очерках П. Ф. Унтербергер «Приморская область 1856–1898 гг.», «Приморский край 1906–1910 гг.». Автор, прослуживший в Сибири 38 лет в разных должностях, прекрасно знающий этот край, пишет о жизни народов, населявших Приамурье, освещает административные и хозяйственные вопросы и жизнь переселенцев.

Подробное изучение земель, примыкающих к границам Китая, а также в Северной Маньчжурии, началось с конца 80-х гг. XIX в. В разряд первоочередных и насущных выдвинулись проблемы поиска и разведки месторождений угля, способных удовлетворить потребности железной дороги, флота и растущего населения края. В изучении геологического строения территории Российского государства и выявлении месторождений полезных ископаемых непосредственную роль играли Академия наук, отделения Российского географического общества и Горный департамент, но систематическое геологическое изучение страны началось с организации в 1882 г. Геологического комитета. В 1888 – 1896 гг. в Приморье работала экспедиция Горного ведомства под руководством инженера Д.Л. Иванова. По окончании основных изыскательских работ на трассе железной дороги были возобновлены исследования золотоносных районов Дальнего Востока. Эти работы проводились уже под руководством Геологического комитета и Горного департамента. Изучались известные месторождения золота, были выявлены новые золотоносные районы, осуществлена геологическая съёмка и проведены маршрутные изыскания. Результатом этих работ явилась первая детальная (десятивёрстная) геологическая карта Амурско- Приморского района. При содействии царского правительства ряд русских частных золотопромышленных компаний и

фирм добились разрешения на получение концессий на добычу золота. К 1916 г. Геологический комитет реорганизовался в Дальневосточную Секцию Петроградского геологического комитета, руководство которой было поручено горному инженеру Э.Э. Анерту – члену Центрального геологического комитета в Петрограде, неутомимому исследователю и ученому. Последующие революционные события в России привели в эмиграцию в Харбин нескольких десятков опытных русских золотопромышленников, геологов и горных инженеров из России, силами которых уже к 1925 г. в Северной Маньчжурии было обнаружено 640 месторождений и проявлений россыпного золота и 50 — рудного. Прогнозные ресурсы россыпного золота в этом регионе, по оценке известного авторитетного специалиста, Э. Э. Анерта, составляли 215 000 пудов (3500 т). На фоне богатейшего российского Приамурья, ресурсы которого, по данным того же специалиста, составляли 370 000 пудов, ресурсы золота Маньчжурии выглядели внушительно. Не менее интересны были перспективы добычи рудного золота⁹.

К 1900 г. и особенно ко времени пуска движения по КВЖД (1903 г.) осуществлялось активное заселение россиянами арендованных у Китая земель в поселках по трассе КВЖД, на лесных концессиях Ковальского, Скидельского, Шевченко; в районах рыбачьих концессий на реке Сунгари и озера Балай-Нор; в агрономических концессиях близ Тяньцзиня, Шанхая, Даляня, Ухани, Кантона; в сельскохозяйственных поселениях казаков в Трехречье (Барга) и на Мулинских копиях. На этом этапе важность подробного изучения земель Китая значительно возросла. В то же время сменились характер, направление и акценты таких исследований - от фундаментального изучения территорий Китая извне, в рамках государственной программы России, к более детальному анализу местных географо-геологических данных, который проводился внутри научного сообщества россиян. Эти исследования, определяемые прикладными задачами рационального использования ресурсов, носили региональный характер, велись на местах силами русских исследователей, проживавших в самом Китае. Уже в 1900-х гг. здесь начали формироваться русские общественные, научные и просветительские союзы; был открыт ряд исследовательских станций.

Климатическим региональным исследованиям как фактору, способствовавшему дальнейшему сельскохозяйственному подъему дальневосточного региона придавалось большое значение. В состав Амурской экспедиции (рук. Н.Л. Гондатти, 1909-1910гг.) были включены программы работ на метеорологических станциях по изучению климата почв и растительности

Амурской области. Материалы, обработанные по результатам, были направлены на заключение в Николаевскую Главную физическую лабораторию. На ответственность и высокую значимость проводимой работы указывал руководитель амурской сети метеостанций Н. Прохоров: "нашей целью было стремление поставить работы на метеорологических станциях несколько шире, нежели на обычных станциях Европейской России, т.к. может быть нигде человек не наказывается за свои незнания климата, как именно на Дальнем Востоке, где ему приходится сталкиваться с целым рядом климатических явлений, до сих пор совершенно, почти неисследованных метеорологической наукой".¹⁰

Основу русской диаспоры в Манчжурии заложили строители Китайской Восточной железной дороги, в кратчайший срок, с 1897 по 1903 год, проложившие 2373 версты первоклассного пути, построившие множество станций и поселков, развернувшие добывающую и перерабатывающую промышленность, создавшие в так называемой «зоне отчуждения» все необходимое для привычной российской жизни. Манчжурия стала самым развитым промышленным районом Китая.

Начало XX века ознаменовалось новой расстановкой сил в Северо-восточной Азии: усиливается экономическое и военно-стратегическое влияние в этом регионе Франции, Германии и США. Германия, в частности, усиленно вооружала китайскую армию, и особенно флот. Соединенные Штаты поощряли незаконный промысел и контрабанду у русских берегов Чукотки, Камчатки и Охотского моря; усиливалось давление на Китай и Корею со стороны Японии. В этой связи, царское правительство должно было учитывать интересы русских промышленников и торговцев, которые в свою очередь видели в Китае, и прежде всего в Манчжурии, новый рынок для сбыта товаров.¹¹

В начале XX века Российские внешнеполитические задачи определили новые стимулы развития научно-исследовательской деятельности на Дальнем Востоке. На наш взгляд их четыре: 1). Активная переселенческая политика царского правительства, которая имела своей целью экономическое развитие хозяйства Сибири и Дальнего Востока и способствовала, изучению региона как плацдарма для продвижения на Восток. 2). Постройка Транссиба и ее восточной ветви (КВЖД), что определяло необходимость поиска новых месторождений руд и полезных ископаемых для более продуктивного использования обживаемой территории. 3). Борьба за экономическое и военно-стратегическое лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе ведущих стран

мира, в т.ч. Японии и Италии, и, как следствие, возросший потенциал естественнонаучных изысканий русских ученых в пользу развития Дальнего Востока. 4). Последствия русско-японской войны, поставившие под угрозу русское присутствие в Северо-восточной Азии, отказ правительства, от дальнейших субсидий на развитие изыскательской деятельности в Китае и, как следствие, мобилизация внутренних резервов для развития науки в русской Маньчжурии и в зоне отчуждения КВЖД.

Деятельность Переселенческого центра Азиатской России положила начало планомерным исследованиям всей природной системы, в том числе природно-климатического, ландшафтно-ботанического комплекса дальневосточных и приамурских областей России и Китая. Переселенческим управлением были выпущены геолого-ботанический и географический атласы дальневосточных земель России и Китая. Исследователь Северной Маньчжурии, потомок землепроходца Ф.И. Байкова Н.А. Байков, работая по заданию РАН, изложил результаты своей экспедиции в отчетах, опубликованных в печати с 1910 по 1919 гг., а также описал свои наблюдения в ряде очерков в книге «В горах и лесах Маньчжурии» (1914). В 1919 г. Харбине был организован Совет по изучению производительных сил при Дальневосточном отделе Географического общества. Под его эгидой проводилась, начатая еще в 1916 г. Монгольская экспедиция. Руководил ею известный ученый-зоотехник доктор А.Ф. Хорват.

Сильный толчок к интенсивному изучению горных богатств Северной Маньчжурии дало строительство линии Китайско-Восточной железной дороги, пересекавшей ранее пустынные районы с запада на восток. КВЖД в сочетании с водными артериями создала удобные пути сообщения в Маньчжурии. Целенаправленное исследование Маньчжурского края потребовало топографических съемок местности и разработок карт для дальнейшего изыскания природных ресурсов на этой территории. К тому времени еще не существовало подробных карт, по которым предполагалось проложить железную дорогу, а имевшиеся немногие данные не соответствовали истине. Географические, топографические и статистические данные по Маньчжурии собирались как коммерческими агентами Китайской Восточной железной дороги, так и военными агентами. Первое экономическое обследование районов Северной Маньчжурии, прилегающих к линии КВЖД, было произведено коммерческим агентом Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобаном (1908 и 1911гг.). В 1914 и 1915гг. было произведено новое экономическое обследование Северной Маньчжурии коммерческими аген-

тами КВЖД П.Н.Меньшиковым, П.М. Смольниковым и А.И.Чирковым.12 Совместная деятельность геологов и картографов в российских экспедициях в Китае в 1920-х гг. нашла отражение в подготовке и издании Бюро КВЖД двух томов фундаментального атласа "Карты Маньчжурии" и атласа "Административное устройство Китая". Результаты экспедиции российских специалистов были опубликованы в научных журналах и в ряде монографий, посвященных обширной тематике исследуемых ими вопросов.

Научно-исследовательская деятельность русских в Маньчжурии продолжала развитие, оказавшись в вынужденной изоляции (русско-японская война, события 1917 года в России, гражданская война, вынужденная эмиграция в Маньчжурию). Учреждения КВЖД активизировали изучение Маньчжурского края на протяжении всего пути сложного исторического развития. Изучением экономики Северной Маньчжурии занимались Экономическое бюро, Тарифно-показательный музей, Метеорологическая станция, сельскохозяйственные лаборатории, созданные и функционирующие при Управлении КВЖД. По линии научно-общественных организаций этими проблемами занимались Общество русских ориенталистов, Общество изучения Маньчжурского края, Музей Общества изучения Маньчжурского края, Пекинское общество русских геологов, Маньчжурское сельскохозяйственное общество, ставившее своей главной задачей распространение сельскохозяйственных знаний и работу по улучшению местного животноводства и сельскохозяйственных культур Северной Маньчжурии. Клуб естествознания и географии, созданный для изучения Маньчжурского края в апреле 1929 г., стал продолжателем научно-исследовательской деятельности ОИМК. Члены клуба ставили своей целью объединить научных работников с привлечением новых, а так же, вести широкую просветительскую работу среди населения.

В 1922 г. Общество изучения Маньчжурского края стало официальным центром подготовки празднования юбилея 20-летия КВЖД и всей деятельности российской эмиграции в Китае. Юбилейная Выставка КВЖД проходила в Харбинском Музее ОИМК (с 1923 по 1928 г.), где были широко представлены научные труды российских ученых.

Характерными чертами этого этапа естественнонаучных изысканий стали постоянные комплексные исследования и наблюдения, проводившиеся русскими в Китае, и их публикации в различных научных изданиях. С 1917 г. эти общества активно пополнялись рядом вновь прибывших в Китай ученых и исследователей, участвовавших ранее в реализации программ Влади-

востокского отделения Географического общества. Эти ученые стали продолжателями традиций старейшего местного научного сообщества по изучению богатств Дальнего Востока.

Нельзя сказать, что научно-изыскательская деятельность этого периода русских в Маньчжурии развивалась, изолировано, вдали от широких научных кругов Европы и Советской России. Маньчжурские научные общества поддерживали связи со многими регионами Советской России, обменивались научными трудами, делегировали на съезды своих ученых. Отчеты о поступлении обменных изданий регулярно освещались на страницах «Известий» ОИМК.¹³ Важную роль для научных исследований Маньчжурского края играла Центральная библиотека КВЖД. Библиотека имела черты просветительского и академического учреждения, являлась связующим звеном между научными учреждениями Северного Китая и других регионов мира - при ней была установлена связь с 66 научными учреждениями СССР, 41 учреждением за рубежом. Библиографический отдел библиотеки издавал "Библиографический бюллетень", где публиковались рецензии на отдельные труды и издания. На имевшейся в библиотеке литературе базировались исследования научных кадров вузов Харбина, членов краеведческих обществ и работников КВЖД.

С 1932 года, после оккупации Маньчжурии японцами, в истории краеведения начался весьма сложный период. Однако и в эти годы в Харбине продолжала работу значительная группа русских ученых, представлявших почти все отрасли знания. Достаточно указать имена таких выдающихся исследователей как геолог Э. Э. Анерт, ботаники Т. П. Гордеев, Б. В. Скворцов, зоологи Б. П. Яковлев, А. С. Лукашкин, М. А. Фирсов, краевед Н. А. Байков, почвовед А. Д. Воейков; экономисты Г. Я. Маляревский, В. П. Жернаков, археологи В. Я. Толмачев, В. В. Поносов, Л. М. Яковлев, исследователь В. С. Стариков, энтомологи Я. И. Никитин, В. Н. Алин, П. В. Глухов, китаевед И. Г. Баранов, востоковед Г. Г. Авенариус. При их участии в 30-е – 40-е годы были созданы и активно вели краеведческую работу Биологическая комиссия (1937-1945), Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов (1946-1955), Организация исследователей-прижевальцев (1934-1945), Кружок востоковедения при Институте ориентальных и коммерческих наук (1927-1937), Секция археологов, натуралистов и этнографов при Христианском союзе молодежи (1935-1937) и др. Для исследовательской деятельности русских учёных была характерна научность, многоплановость и широкая специализация. Для мно-

гих представителей научной элиты научно-изыскательская деятельность имела продолжение в общественной и просветительской сфере.

Научная и культурно-просветительная деятельность русских ученых в Маньчжурии началась в конце XIX столетия и была тесно связана с постройкой КВЖД. Строительство дороги предполагало сближение России с народами Востока, что должно было проявиться не только в экономическом сотрудничестве, но и в распространении русской культуры «в совершенно пустынной и полудикой стране». Ставя во главу исследований региона основание русского дела на Дальнем Востоке, Россия предполагала широкую культурную и просветительскую работу. Одновременно с постройкой железной дороги намечалось создание просветительных учреждений - начальных школ, средних учебных заведений, вузов, библиотек. Полностью осуществить этот широко задуманный план помешали русско-японская война, события 1917 года. Последовавшая за ними гражданская война окончательно отрезала русскую колонию в Маньчжурии от России, превратив ее в своеобразный «остров» Русского Зарубежья. Тем не менее, научная деятельность по исследованию Маньчжурского края в этот период велась плодотворно. Многие из представителей научных кругов дореволюционной России продолжали трудиться на избранном поприще в надежде, что их труды еще послужат возрожденной России.

Таким образом, проследив эволюцию развития естественнонаучных изысканий русских в Дальневосточном регионе, мы можем утверждать: изучение форпоста России Дальнего Востока и Северо-восточной Азии во второй половине XIX в. – первой половине XX в. дало плодотворные результаты: было выяснено геологическое строение территории, даны ее географические характеристики, биолого-почвенное, океанографическое, гидрогеографическое, этнографические описания. Выявился круг вопросов, подлежащих дальнейшему исследованию: изучение и анализ условий, необходимых для жизни в регионе, сбор климатических данных, наблюдения за сельскохозяйственными посевными и местными культурами растений, а также работы по описанию культурных традиций местного населения. В целом по результатам, полученным в ходе изучения природной системы Дальневосточного региона страны и Китая, можно свидетельствовать, что оно носило характер комплексной исследовательской программы, которая вместе с техническими мероприятиями по прокладке КВЖД стала частью государственного проекта Российской империи.

Естественнонаучные изыскания русских в Маньчжурии – это бесценный пласт русского наследия за рубежом. Русские исследователи были первопроходцами и во многом стояли у истоков фундаментальных знаний в области геологии, географии, аграрной науки. С позиций современности, оценивая новейшие достижения науки, мы убеждаемся, что практическая значимость научных исследований русских ученых в изгнании высока, не потеряла научной ценности и сегодня, и, соответственно, требует дальнейшего освещения и тщательного осмысления.

Примечания:

¹ В древности Маньчжурия делилась на множество отдельных владений, которые периодически соединялись или распадались в одно государство под властью вождя-завоевателя. С 1125 г. господствующими становятся чжурчжэни с династией Цин. В 1234 г. Маньчжурия была покорена монголами. В конце XVI в. множество маньчжурских родов (аймаков) были объединены под властью одного маньчжурского вождя, в 1641 г. маньчжуры взяли Пекин и весьма скоро восприняли китайскую культуру. // Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс] : Маньчжурия, вариант 3393002, последняя правка 3 март 2007, 12:05 UTC / Авторы Википедии. — Электрон. дан. — Штат Флорида. : Фонд Викимедиа, 2007. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/w/index>.

² Нерчинским договором 1689 г. границей сделаны р. Амур, Аргунь и Горбица.

³ За Российской империей территории эти будут закреплены Айгуньским (1858) и Пекинским (1860) договорами.

⁴ См. наприм.: Маак Р. Путешествие в долине реки Уссури. СПб., 1861; Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. I-III. СПб, 1883-1903; Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. ТТ. 1-3, СПб., 1851. (переизд. М. Л-М, 1950-53 гг.) и др.

⁵ Николай Львович Гондатти, (8 VIII 1860, Москва - 5 IV 1946, Харбин). Чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторстве с 1893; заведующий переселенческим делом в Приморской области (1894); правитель канцелярии иркутского генерал-губернатора (1900), в 1905 г.- тобольского, в 1908 г.- томского губернатора. Шталмейстер, Приамурский генерал-губернатор (1911-1917). За службу был награжден орденами Св.Владимира IV и III степеней, двумя орденами Св.Станислава, (в т.ч. один за изучение сибирских окраин), серебряную медаль в память царствования императора Александра III и бронзовую медаль за труды по проведению первой всероссийской переписи населения 1897 года. Кроме того, имел награды ряда иностранных государств: китайский орден Двойного Дракона, бухарский орден Золотой Звезды, Почетный орден Французского легиона. Эмигрировал в Харбин (1919). Начальник земельного отдела КВЖД.

⁶ [Гондатти Н.] Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. - Вып. 1. - СПб.: Тип. В.Ф.Киршбаума, 1911. - 288 с.

⁷ См.наприм.: Донесения русского военного агента в Китае полковника Десино о распространении японского влияния на Китай и Корею. РГВИА, Ф. 447, Оп. 1, Д. 13; Донесения полковника Вогака о подписании секретного союза между Китаем и Японией, о крейсировании японского и английского флотов у берегов Китая, об образовании в Пекине комиссии по рассмотрению предложений Японии о реформах в Китае и об усилении китайских войск в Маньчжурии. РГВИА ,Ф. 447, Оп.1, Д.48.

⁸ Земельные владения иностранцев в Сев. Маньчжурии // Маньчжурская экономическая жизнь – Харбин, 1933 г. №3

⁹ См.: Геологическая служба Приморья (50 лет со дня основания) // Сост.М.Д.Рязанцева. Владивосток: Дальнаука, 2000 г., 159 с., а так же: Анерт Э.Э. Геологические экскурсии в бассейне Сунгари и северной Кореи в 1896 и 97 гг. и сведения об ископаемых богатствах этих стран// Лекция сделанная Анертом 30 января 1898 г. в зале Общества Амурского края./Отчет общества изучения Амурского края. Т.7, Вып. 2, 1900; Полезные ископаемые Северной Маньчжурии, Харбин: Изд. Общества Изучения Маньчжурского Края, 1928 г.230 с.,рис. 45, карт 8 и др.

¹⁰ Материалы метеорологических станций по изучению климата почв и растительности Амурской области./ Под ред. Н.И. Прохорова ./Труды командированной по высочайшему повелению амурской экспедиции./ С.Петербург. Тип. В. Киршбаума., 1913 г.

¹¹ См. наприм.: Донесения русского военного агента в Китае полковника Десино об откликах в прессе Дальнего Востока на русско-китайское соглашение о Маньчжурии, об обращении китайского правительства к народу по поводу заключения мира с иностранными державами и о действиях англичан в Китае по приобретению концессий по разработке горных богатств в Маньчжурии. РГВИА, Ф. 447, Оп.1, Д. 27; Донесения русского военного агента в Китае полковника Десино об экономическом положении Китая, об образовании англо-французских синдикатов для разработки рудных и угольных копей в провинциях Сычуань и Юнань, о развитии горного дела в Китае, о выводе части немецких войск из Китая и о заключении англо-китайского торгового соглашения. РГВИА, Ф. 447, Оп. 1, Д. 51; Донесения полковника Десино о приобретении французскими промышленниками концессий на рудники и железные дороги в Южном Китае. РГВИА, Ф.447, Оп. 1, Д.71; Донесения русского посланника в Пекине и переписка Министерства иностранных дел с Военным министерством о прибытии в порт Ньючжуань иностранных военных судов, о развитии торговли в Маньчжурии и учреждении японо-китайского пароходного товарищества на реке Ляохэ. РГВИА, РГВИА, Ф.447, Оп.1, Д.74.

¹² Болобан А.П. Земледелие и хлебная промышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1908; Он же. Отчёт по обследованию в 1911г. районов Хейлунцзянской, Гиринской и Мукденской провинций, тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге в земледельческом и хлебопромышленном отношениях. Харбин, 1912; Меньшиков П.Н., Смольников П.М., Чирков А.И. Северная Маньчжурия. Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги... в 1914-1915 гг. Харбин, 1916. Т.1.Гиринская провинция; Т.2. Хейлунцзянская провинция; Краткий экономический и торгово-промышленный очерк Хейлунцзянской провинции за 1915 г. Сост. секретарь русского консульства в г. Цицикаре К.И. Симонолевич. РГВИА. Ф. 447, Оп.1, Д.217; Боржимский. Схематическая карта Монголии, Маньчжурии и пограничной с ними полосы России. Чертил подьесаул Боржимский. Изд. штаба Иркутского военного округа. 1913 г. РГВИА .Ф 447,Оп. 1, Д. 232; Переписка по Военному министерству и Главному штабу о командировании офицеров Генерального штаба в Маньчжурию и отпуске средств для работ по военно-статистическому и топографическому описанию Маньчжурии и составлению карт Маньчжурских провинций и областей. РГВИА.Ф.447,Оп.1 Д.52.

¹³ Список Обществ и учреждений, с которыми ОИМК состоял в обмене изданиями: Академия Наук СССР (г. Ленинград), Алтайский Отдел Русского Географического Общества (г.Барнаул), Амурское Губернское Статистическое Бюро (г.Благовещенск), Восточносибирский Отдел Российского Географического Общества, (г.Иркутск), Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения (г.Москва), Всеукраинская Академия Наук (г .Киев), Геологический Комитет (г .Ленинград), Геологический Комитет Дальнего Востока (г.Владивосток) и др.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ПРИРОДЫ НА ЮГЕ ДВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С. Д. Пинчук

соискатель кафедры «История и политология»

МГУ им. адм. Г.И Невельского

Современный этап интенсивного социально-экономического развития российского Дальнего Востока сопровождается увеличением антропогенного давления на уникальную природу этого региона. Важнейшим фактором сохранения качества природной среды является рационализация природо-

пользования и охрана природы, понимаемые как совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохранению[1]. Поиск путей решения данной проблемы усиливает интерес исследователей к осмыслению исторического опыта природопользования и охраны природы в период освоения юга региона в XIX-XX вв. Необходимость комплексного изучения данного исторического периода способствовала появлению как специальных исследований, рассматривающих истоки и эволюцию регионального природопользования[2], так и работ рассматривающих отдельные формы эксплуатации природных ресурсов в контексте политического, социально-экономического, культурного развития[3]. В данной статье рассмотрены правовые акты Российской империи, в соответствии с которыми регулировалось природопользование и охрана природы на Дальнем Востоке во второй половине XIX века.

В формировании правовых основ природопользования Российское государство придерживалось принципа защиты общинных и частнособственнических интересов и распространяло его в основном на сферу охоты, рыболовства и лесопользования. Ресурсный подход к природопользованию, появился в законодательстве во времена Петра I, когда природные объекты стали рассматриваться в качестве ресурса для использования в экономических, военных и других целях. В этот период были изданы указы, предусматривавшие охрану рек от загрязнения и укрепление их берегов, регламентирувавшие рыболовство и лов жемчужниц в реках, охрану почв, защиту диких животных от истребления и др. Природоохранная функция государства наиболее ярко проявилась в отношении лесов, которые составляли основу экономической и военной мощи российского государства. В этот период были изданы указы о создании заповедных территорий корабельного леса, необходимого для строительства флота (заказников), о запрещении рубки леса вокруг рек, удобных для лесосплава. Были созданы государственные учреждения для упорядочения учета и охраны заповедного леса. В то же время развитие промышленности потребовало пересмотра прав землевладельцев на недра земли. Были приняты указы, в соответствии с которыми право добычи металлов и минералов из земель, находившихся в частной собственности, государство оставляло за собой[4].

В XIX в. в российском законодательстве существовали Устав Лесной, Устав Горный, Устав о промышленности и другие законодательные акты, которые можно рассматривать как законодательную основу пользования природными ресурсами, необходимыми для жизни и деятельности граждан и государства. Эти правовые нормы распространялись на природные объекты, запасы которых были

ограничены, а бесконтрольное использование могло привести к уничтожению. Они регулировали порядок охоты и рыбной ловли, пользования землей и ее недрами, лесом, водой, устанавливали обязанности владельцев общинной, частной собственности и государственных органов по охране этих природных объектов и были зафиксированы в Своде законов Российской империи, Полном собрании законов Российской империи.

По своим природно-климатическим условиям территория Российской империи не была однородна. Дальневосточные земли, окончательно присоединенные к России в середине XIX в., поражали первопроходцев разнообразием и богатством природных ресурсов. Масштабы их использования, в силу незначительного количества населения, были ограничены. Эту территорию населяли ее коренные жители: тунгусы, гольды (натки), гиляки (нивхи), орочи (удэгейцы). Кроме этого, в низовьях Амура жили русские переселенцы, тунгусы, якуты, перекочевавшие из соседних уездов Сибири; в Амурской области и Уссурийском крае временно проживали китайские подданные. По данным В. М. Кабузана, общая численность населения Дальнего Востока в середине XIX в. составляла около 17,7 тыс. человек[5]. Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г. договоры, заключенные с Китаем, позволили установить границу между государствами и начать освоение Приамурья и Приморья, т. е. заселение и овладение его природными ресурсами[6]. В то же время, личная свобода российских крестьян, полученная в 1861 г., и недостаток земель, удобных для ведения сельского хозяйства, создавали возможность для их переселения на дальневосточные земли.

Это обусловило необходимость принятия законодательных актов, содержащих условия освоения этих территорий. Правовые акты 60-х гг. XIX в. определили приоритеты государственной политики в освоении природных ресурсов Дальнего Востока и установили правила пользования землей, ее недрами, лесом, водой.

Именным императорским указом в 1858 г. Приамурский край был разделен на Амурскую и Приморскую области Восточной Сибири. Этим же указом были определены права генерал-губернатора Восточной Сибири, военных губернаторов областей и утверждены штаты чиновников для управления этими территориями, среди которых значились два чиновника для особых поручений, "из коих один вместе с тем и землемер"[7].

Для охраны юго-восточной границы и заселения территории в 1860 г. было образовано Амурское казачье войско и Уссурийский казачий округ, преобразованный в 1889 г. в Уссурийское казачье войско[8]. "Положение

об Амурском казачьем войске" предоставляло всем его чинам пожизненное право на надел земли: штаб-офицеру – 400 дес., обер-офицеру – 200 дес., казаку – 30 дес. и пользование "всеми произведениями на поверхности отведенной им земли, как-то: лесами, водами и другими угодьями. В случае открытия золота и других благородных металлов и минералов предлагалось руководствоваться правилами о золотопромышленности, установленными для Приамурского края[9].

Высочайше утвержденные "Правила об отдаче в Восточной Сибири участков земли под хлебопашество, сенокосение и постройку домов" 1860 г. предоставляли возможность лицам всех сословий получить в бесплатное пользование участки земли "для расчистки из-под лесов и обработки из-под моховых болот и песков для хлебопашества и сенокосения". Но исключали возможность использования участков занятых "строевыми лесами при сплавных реках находящихся". Эти же "Правила" регулировали водопользование, разграничивая участки, расположенные при берегах речек и озер так, чтобы между участком и берегом оставалось не менее шести сажен свободного места[10].

Сенатский указ "О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях" 1861 г. предоставлял возможность всем желающим русским и иностранцам селиться, покупать землю в полную собственность или получать во временное пользование свободные участки казенной земли. Желающим переселиться целым обществом "не менее как из пятнадцати семейств" гарантировали "сплошной участок земли, пространством не более ста десятин на каждое семейство". Указ также запрещал включать в отвод земли участки со строевым лесом[11].

Для выполнения правительственной программы и обеспечения переселенцев земельными наделами необходимо было увеличить количество специалистов, "заведовавших землемерной частью". Если 1863 г. в штате управления Приморской областью числился один чиновник в должности младшего землемера, то в 1867 г. при областном правлении Приморской области существовала землемерная часть из шести чиновников, а в 1871 г. для межевания казенных земель было образовано отделение при Главном управлении Восточной Сибири со штатом в 20 чел., в число которых входили: начальник отделения, два старших топографа, два топографа, три старших межевщика, восемь межевщиков и четыре межевых ученика[12]. Это позволило ускорить землеотводные работы для крестьян-переселенцев. В 1873 г. был утвержден штат межевого отделения казачьих войск Восточ-

ной Сибири в количестве 19 чел. Контроль за деятельностью этих чиновников осуществлял генерал-губернатор Восточной Сибири[13].

Лесные массивы являлись одним из главных природных богатств Приамурского края, изучение их признавалось делом государственной важности. В 1858 году Сибирский комитет признал "полезным" командировать в Амурскую и Приморскую области Восточной Сибири офицера корпуса лесничих и трех топографов для "приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках" в соответствии с Уставом Лесным 1842 г., который закрепил порядок использования различных категорий лесных массивов. Свидетельством важности и ответственности этого поручения может служить тот факт, что чинам корпуса лесничих, выполнявших это поручение, было вдвое увеличено жалование и другие выплаты[14]. Правительство стремилось создать систему лесопользования. В апреле 1863 года были высочайше утверждены "Правила о рубке леса и лесной промышленности в Приморской области Восточной Сибири", которые определяли условия пользования лесами и устанавливали ответственность за нарушения[15]. Для обеспечения внутренних потребностей разрешалась рубка леса и торговля им внутри области всем русским и иностранным подданным (кроме ссыльнокаторжных) беспошлинно. Ограничивалась только рубка леса рангоутного и корабельного. Этот вид леса можно было использовать только "на местные потребности", "по существенной в нем надобности", с разрешения военного губернатора области. Вывоз леса для заграничной торговли разрешался только из Императорской гавани. Там же, по решению военного губернатора области, "отделялось и оставлялось неприкосновенным заказное лесное пространство на правительственные надобности". Для заграничной торговли, как русским подданным, так и иностранцам, требовалось получить разрешение об отводе участков у военного губернатора области. Согласно "Правилам" военный губернатор имел право устанавливать плату за вырубленный лес, предназначенный на заграничную продажу, назначать лесного надзирателя из числа офицеров корпуса лесничих, определять число чинов лесной стражи и размер их содержания. Его решения утверждал генерал-губернатор Восточной Сибири. Эти же "Правила" устанавливали обязанности лесного надзирателя и стражи, в которые входило наблюдение за тем, чтобы "рубка леса производилась в одних дозволенных местах и чтобы лесные пространства не подвергались опустошению напольными огнями и поджогами". За самовольную порубку леса в Императорской гавани виновные подвергались штрафу "втрое против стоимости леса по таксе", а если этот лес пытались вывезти за границу без уплаты пошлин, то виновным воспрещалась рубка леса вообще. Нарубленный лес отбирался на местные по-

требности в распоряжение военного губернатора области. Для устройства лесопильных заводов в Приморской области, также требовалось разрешение местного начальника или военного губернатора области.

Таким образом, "Правила", принятые на пять лет, положили начало регулированию потребления лесных ресурсов в Приморской области. Военный губернатор области, как представитель государственной власти, был наделен полномочиями по управлению и контролю за использованием этих природных ресурсов.

В 1877 г. была учреждена должность лесного ревизора Приморской области при Главном управлении Восточной Сибири "для заведования лесами на казенных землях, смежных с Владивостоком, на полуострове Амурском и острове Русском, равно для ведения правильного, по соображению с местными условиями, лесного хозяйства в Приморской области"[16].

Российское государство было весьма заинтересовано в развитии горнозаводской промышленности Амурской и Приморской области, особенно добычи золота и серебра, каменного угля. В 1859 г. именным указом императора было разрешено "всем частным лицам (кроме ссыльнокаторжных), кто пожелает, отыскивать и добывать драгоценные и цветные камни и вообще минералы во всех местностях Сибири, в том числе и в Приамурском крае", без каких либо сборов и податей[17]. Однако уже в 1861 г. частный золотой промысел был приостановлен на четыре года, в связи с нехваткой рабочих рук. Исключение составляли прибрежные места Восточного океана, по правую и левую сторону Амурского лимана, где "потребные для сей промышленности рабочие люди и производственные припасы получались там морем, а не из Забайкальской области"[18]. Правительство постоянно было озабочено тем, что крестьянский труд используется на золотых промыслах, и в 1876 г. попыталось законодательным путем ограничить сроки их найма на золотые прииски Амурской и Приморской областях до двух лет[19].

Поощрялся правительством поиск месторождений железной руды, каменного угля, золота российскими торгово-промышленными компаниями. В этот период принимаются законодательные акты, направленные на поддержку их деятельности. В 1858 г. Амурская компания получила разрешение на торговую и промышленную деятельность. Ей было предоставлено право "разрабатывать и пользоваться разработанными ею местными в Приамурском крае произведениями"[20]. В 1876 г. было учреждено общество "Сахалин" для разработки Дуйских каменноугольных копей[21]. С 1878 г. право разработки каменного угля на о. Сахалин принадлежало исключи-

тельно русским подданным[22]. В 1881г. началась разработка месторождений каменного угля на реке Сидими в Южно-Уссурийском крае Приморской области. Комитет министров утвердил правила, в соответствии с которыми частные лица могли быть допущены к горнопромышленной деятельности в этом районе в соответствии с Уставом Горным[23].

Защищая интересы российских предпринимателей в 1885 г. Государственный Совет принял решение о запрещении иностранцам "производства золотого и вообще горного промысла в Приморской области"[24]. Однако через десять лет Комитет министров пришел к выводу, что "привлечение русских капиталов к каменноугольному делу в Уссурийском крае было доселе безуспешным и является сомнительным в будущем", а скорейшая разработка залежей каменного угля близ Владивостока, у железной дороги, является "делом первостепенной важности". В качестве исключения, "иностранному обществу из французских и голландских капиталистов" было позволено разрабатывать Свято-Макарьевское месторождение каменного угля на берегу Амурского залива[25].

Социально-экономическое развитие региона требовало совершенствования управления. С 1884 г. Амурская и Приморская области, Владивостокское военное губернаторство стали частью вновь учрежденного Приамурского генерал-губернаторства. Генерал-губернатор назначался императором, подчинялся непосредственно Министерству внутренних дел и обладал широкими полномочиями, в том числе и в сфере природопользования. Исключение составляли "дела горные и частных золотых промыслов", которые находились в ведении горного отделения Главного управления Восточной Сибири[26]. В 1888 г. Государственный Совет утвердил на пять лет правила местного заведования государственными имуществами. В соответствии с ними заведование казенными лесами возлагалось на генерал-губернатора, с ежегодным его отчетом министру государственных имуществ. Генерал-губернатор утверждал инструкцию, определявшую порядок устройства в крае казенных лесов, охрану, отпуск лесоматериалов и цену. Он же определял "число и размер вознаграждения" лесников и вольнонаемных объездчиков, осуществлявших охрану казенных лесов. Независимо от денежного содержания, каждому лесничему отводился земельный надел в сто дес., объездчикам и лесникам в пятьдесят дес. из свободных государственных земель.

Правила предусматривали увеличение штата чиновников управления. В 1884 г. при генерал-губернаторе состояли горный инженер, лесничий, агроном, а в 1888 г. государственными имуществами заведовали тринадцать человек: один лесной ревизор, пять лесничих первого разряда, шесть лесничих второго разряда и секретарь по лесной части при канцелярии генерал-губернатора[27].

Одновременно Государственный Совет предоставил Приамурскому генерал-губернатору право, в виде опыта, на десятилетний срок, устанавливать плату "за право добычи естественных, за исключением золота, произведений на земельных и водных пространствах края, не состоящих в частном владении", а также определять денежные расходы "на изыскание и исследование естественных богатств края и на охранение последних"[28].

В 1894 г. Государственный Совет своим постановлением, обязал генерал-губернатора заботиться об отделении лучших лесов, особенно при судоходных и сплавных реках и объявлении их заказными, в соответствии с Уставом Лесным. Для заведования казенными лесами образованы лесные отделения при областных правлениях[29]. В 1897 г. для заведования природными богатствами края Государственный Совет счел необходимым учредить в г. Хабаровске Управление государственными имуществами со штатом чиновников в тридцать семь человек[30].

В 90-е гг. законодательными актами правительство регулировало вопросы отчуждения земель для строительства железной дороги, выкупая участки у землевладельцев и запрещая "приобретение земель в районе Уссурийской железной дороги" частным лицам в собственность[31].

Российские торгово-промышленные компании пользовались поддержкой правительства. В 1896 г. Уральско-Сибирскому золотопромышленному обществу было разрешено организовать самостоятельное золотодобывающее дело в Приморской области[32]. Высочайше утвержденный в этом же году Устав Общества Китайской Восточной железной дороги предоставлял обществу право разрабатывать угольные копи и "другие предприятия рудные, промышленные и торговые", с разрешения китайского правительства[33].

Эти законодательные акты должны были обеспечить управление приамурскими землями, порядок пользования основными природными ресурсами, защиту российских интересов в деле их освоения. Однако на эффективность их действия оказывали влияние политические и социально-экономические, культурные факторы развития общества.

Длительное время российским законодательством не регулировались пушной и рыбный промыслы Приамурского края. Считалось, что запасы этих природных ресурсов в крае были огромны, а масштабы их использования незначительны. Только в 1898 г. рыбный промысел стал регулироваться Управлением государственных имуществ Приамурского генерал-губернаторства, в штате которого появились два чиновника заведующих рыбными промыслами. В 1899 г. государь-император, по положению Кабинета министров, разрешил

действительному члену императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства, инженеру-механику Ф. А. Пеллю учредить акционерное "Восточно-Сибирское рыбопромышленное общество" для производства морских и речных промыслов, приготовления консервов и "вообще утилизации всевозможных продуктов" этих промыслов. Общество имело право использовать для своих нужд "залежи соли, каменного угля и нефти"[34].

Недостаточное внимание к промыслу морских животных привело к резкому сокращению популяции этих животных в конце XIX. В 1893 г. Государственный Совет принял решение о запрещении морского промысла китиков, промысел их на суше допускался "с дозволения правительства", на "определяемых им для сего основаниях"[35].

Закон "Об охоте" принятый в 1892 г., не распространялся на территорию Восточной Сибири, где охота разрешалась всем, без ограничения времени и видов дичи. Это вело к уничтожению особо ценных пород животных, тигров, пятнистых оленей, соболей и др. В этих условиях большое значение имела природоохранная деятельность общественных организаций. Утвержденного в 1887 г. Комитетом министров Общества для изучения Амурского края и в 1894 г. Приамурского отдела Русского Географического общества[36]. Великий князь Александр Михайлович покровительствовал Владивостокскому обществу любителей охоты и Амурскому охотничьему обществу, а великий князь Кирилл Владимирович – Хабаровскому обществу любителей охоты[37].

Приведенные законодательные акты, принятые во второй половине XIX в. отражали интересы Российского государства и закрепляли ресурсный подход в использовании природных богатств Приамурского края. Они определили приоритеты природопользования, на основе общероссийских законов установили нормы пользования природными ресурсами и формы контроля за их использованием. Они явились важным этапом в формировании российского законодательства в сфере природопользования и охраны природы.

---

1. Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь – справочник. М. 1990. 640 с. С.404

2. Гапонов В. В. История таежного природопользования Южно-Уссурийского региона. Владивосток, 2005; Барбенко Я. О, Киреев А. А. К методологии изучения взаимодействия регионально-хозяйства и природной среды (на примере сельского хозяйства юга Дальнего Востока). //Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Вып. 1 – Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 8-15.

3. Алексеев А. И. Морозов Б. Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). – М.: 1989; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) – М.: 1990; Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная деятельность русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – XX в.). Книга 1. Крестьяне. – Владивосток, 2005; Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток,

- 2006; Липинская В. А. Историко-экологические особенности традиционной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока //Россия и АТР. 2003. № 4.
4. ПСЗРИ, I. Т. 5, № 3464; I. Т. 6, № 3711.
5. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). Историко-демографический очерк. Издательство "Наука" М. 1985., С. 50.
6. Деревянко А. П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия (1858-1998). Владивосток: Дальнаука, 1999, С. 4.
7. ПСЗРИ II. Т. 33. № 33862
8. ПСЗРИ II. Т. 33. № 33988. ПСЗРИ II. Т. 35. № 35857 ,
9. ПСЗРИ III. Т. 9. № 6139
10. ПСЗРИ II. Т. 35. № 35628
11. ПСЗРИ II. Т.36. № 36928
12. ПСЗРИ II. Т. 38. № 39 70, ПСЗРИ II. Т. 41. № 43261ПСЗРИ II. Т. 46. № 49338.
13. ПСЗРИ II. Т. 48. № 5233.
14. ПСЗРИ II. Т. 33. № 33870.
15. ПСЗРИ II. Т. 38. № 39522
16. ПСЗРИ II. Т. 52. № 56904.
17. ПСЗРИ II. Т. 34. № 34163
18. ПСЗРИ II. Т. 36. № 37231
19. ПСЗРИ II. Т. 51. № 55507.
20. ПСЗРИ II. Т. 33. № 32668
21. ПСЗРИ II. Т. 51. № 56112.
22. ПСЗРИ II. Т. 53. № 58360
23. ПСЗРИ III. Т. 1. № 325.
24. ПСЗРИ III. Т. 5. № 2689
25. ПСЗРИ III. Т. 15. № 11950
26. ПСЗРИ III. Т. 4. № 2324
27. ПСЗРИ III. Т. 8. № 5208.
28. ПСЗРИ III. Т. 8. № 5213
29. ПСЗРИ III. Т. 14. № 10357
30. ПСЗРИ III. Т. 17. № 14120.
31. ПСЗРИ III. Т. 10. № 6606, ПСЗРИ III. Т. 15. № 11665
32. ПСЗРИ III. Т. 16. № 12676.
33. ПСЗРИ III. Т. 16. № 13483
34. ПСЗРИ III. Т. 19. № 16424
35. ПСЗРИ III. Т. 13. № 9709.
36. ПСЗРИ III. Т. 7. № 4384. ПСЗРИ III. Т. 14. № 10564
37. ПСЗРИ III. Т. 13. № 9285, ПСЗРИ III. Т. 16. № 13308, ПСЗРИ III. Т. 18. № 15997

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ LA MATURITÉ

ЭВОЛЮЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ (АКТУАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

Д.А. Литошенко

канд. ист. наук, доцент кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Нарастание в современном обществе настроений усталости от царящей вокруг атмосферы неопределённости и психологической напряжённости, вызванных затяжной полосой либеральных преобразований, а также общемировая тенденция кризиса демократии западного образца, предлагаемого для повсеместного применения в качестве прогрессивной формы государства современного типа, вызывают глубокую обеспокоенность относительно перспектив сохранения в социокультурной практике мирового сообщества тех принципов, которые известны человечеству под названием либеральных ценностей. Тревожная неопределённость обуславливает обращение к историческому опыту успешной практической реализации названных принципов. Ярким образчиком подобного рода, без преувеличения, служит европейское университетское сообщество XVI-XVIII вв., сформировавшее оригинальную традицию корпоративного самоуправления, наследие которой, в значительной мере, и до сих пор определяет организационные и идеологические аспекты коммунитарного бытования вузовского сообщества в глобальных масштабах.

Анализ изменений в структурно-организационной и идеологической сферах европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., позволяет выявить ряд закономерностей, определивших ход и содержание эволюции корпоративного самоуправления в рамках европейской университетской традиции.

Предложенное разделение рассмотрения тенденций эволюции корпоративного самоуправления в университетском образовании на два аспекта:

структурно-организационный и идеологический, представляется оправданным и эффективным с исследовательской точки зрения шагом.

Ключевой тенденцией эволюции европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. в структурно-организационной сфере являлась учрежденческая трансформация, заключающаяся в преодолении корпоративной природы университетской организации и замене автономных структур образовательной деятельности высшего порядка высшими учебными заведениями сходного статуса. Главные цели, преследовавшиеся в ходе трансформации, сводились к совершенствованию управляемости сферы образовательной деятельности высшего порядка и интеграции университетских учреждений в структуру государства современного типа.

Структурно-организационная эволюция европейской системы университетского образования в рассматриваемый период определялась действием двух факторов: с одной стороны, вызванной Реформацией секуляризацией, и, с другой стороны, генезисом государства современного типа, происходившим в рамках моделей монархического правления, предусматривавших вариативностью, присущей европейскому абсолютизму. Ослабление влияния церкви происходило одновременно с усилением роли абсолютистского государства.

Следует в целом положительно оценивать роль корпоративных религиозных организаций в эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., способствовавших не только её пространственному распространению, но и сохранению начал университетской корпоративности, подвергавшихся в данный период целенаправленному искоренению.

Проводимые в XVI-XVIII вв. реформы университетского образования, являвшиеся частью осуществляемой абсолютизмом социальной и культурной политики, по отношению к преобразуемой системе носили флуктуационный характер, в силу чего возникали предпосылки для её компенсаторной реакции, чем в значительной мере обусловлена малоэффективность названных реформационных начинаний. Система университетского образования, стремясь к равновесному состоянию, сводила на нет действие большей части предпринимавшихся реформ. Эффективные реформы университетского образования в рассматриваемый период следует признать скорее исключением, нежели правилом.

XVI-XVIII вв. стали временем формирования новой многоаспектной университетской идеологии, в отдельных своих частях приобретающей подлинно научный характер. В рассматриваемый период можно вести речь о трёх основных аспектах университетской идеологии: идеологии (теории)

университетского образования, идеологии университетского сообщества и университетской идеологии социального инжиниринга. Названные основные аспекты университетской идеологии интегрируются при участии концептуального аспекта, содержащего базовые принципы и нормы, определяющие структуру и организацию системы университетского образования.

Высокий интеллектуальный статус как создателей университетской идеологии XVI-XVIII вв., так её носителей и потребителей, выступает предпосылкой принципиального отличия университетской идеологической метасистемы от иных феноменов подобного рода. Университетская идеология рассматриваемого периода генетически теоретична и научна (как минимум в соответствии с представлениями своего времени).

Содержание университетской идеологии, сформировавшейся в XVI-XVIII вв., определялось проблемами, стоявшими не только перед европейской системой университетского образования, но и перед обществами Европы в целом, на поиски путей решения которых, были нацелены усилия мыслителей, разрабатывавших положения университетской идеологической метасистемы.

Подчас положения университетской идеологической метасистемы находились в противоречии с тенденциями эволюции структурно-организационной составляющей европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв.

Положения университетской идеологической метасистемы XVI-XVIII вв. в значительной степени опережали развитие структурно-организационной и гуманитарно-технологической составляющих университетского образования своего времени, предлагали решения, оказавшиеся востребованными только позднее. В рамках университетской идеологии рассматриваемого периода намечались перспективы дальнейшего прогрессивного развития европейского университетского образования, актуализация которых приходится на последующие периоды истории.

Структурно-организационные и идеологические аспекты исторического опыта XVI-XVIII вв., вошедшего составной частью в европейскую университетскую традицию, могут быть востребованы при разработке самых разноплановых решений, в рамках современного реформирования не только высшего образования, но и всей системы образования в целом, и в том числе в наиболее глобальном понимании системного характера образовательной деятельности.

Таким образом, нами определены контуры и параметры структурно-организационной и идеологической эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., опираясь на которые представляется возможным обратиться к исследованию других аспектов изменения университетского корпоративного самоуправления в европейской социокультурной метатрадиции, связанных с рассмотрением социальных функций университетского образования, особенных черт университетского сообщества и его структур повседневности, а также содержания университетского образования и комплекса университетских гуманитарных технологий.

Представляется возможным рассмотреть влияние исторического опыта корпоративного самоуправления европейской системы университетского образования на последующее развитие высшей школы и сформулировать ряд предложений, направленных на его актуализацию в рамках современного реформирования образования.

Грозные события конца XVIII в. («шелушение» системы колониальных владений, образование на месте бывших колоний независимых государств, революция во Франции, наполеоновские войны в Европе и за её пределами) способствовали разрушению организационных основ европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв., но, в то же время, происходившие социальные потрясения не ликвидировали непрерывности неолиберальной европейской университетской традиции. Таким образом, можно говорить о полуторатысячелетней стабильности неолиберального подхода к образованию в рамках европейской культурной традиции. В этом ключе, влияние названных социальных потрясений на организационные основы европейской системы университетского образования, следует оценивать в санитарно-гигиеническом плане, т.е. как хирургическое вмешательство, направленное на «отсечение отмерших, но гноящихся тканей общественного тела».

В сложившейся ситуации развитие событий могло пойти и, в конечном итоге, пошло согласно двум сценарным вариантам. Первый сценарий развития сферы образовательной деятельности высшего порядка, обозначившийся на рубеже XVIII-XIX вв., связанный с предпринимавшимися во Франции экспериментами без университетского функционирования, заключался в замене университетской организации вертикально выстроенным образовательным комплексом, состоящим из учреждений общего и профессионального образования соответствующего иерархического уровня. В рамках подобного комплекса образование сводилось к аппаратной функции государства, в чём видится апогей и триумф столь милой сердцу низ-

вергнутого абсолютистского деспотизма учрежденческой трансформы сферы образовательной деятельности высшего порядка. В конечном итоге, данный подход не мог обеспечить устойчивого развития сферы образовательной деятельности высшего порядка в заданном ключе, что нашло выражение в консервативном возрождении «университетских принципов», воплотившемся в учреждённом императором Наполеоном I в 1808 г. Университете Франции¹. В последующий период, вплоть до университетских реформ 1870-х, образовательная деятельность высшего порядка во Франции осуществлялась на руинах наполеовского мегауниверситета и учреждениях образования, возникших в горниле экспериментов революционной поры и периода Первой Республики. Жизнеспособная организационная основа системы высшего образования, способной к эффективному функционированию, возникла в рамках данного сценария, и не без освоения прусского опыта гумбольдтовской реформы, только в последней четверти XIX в. и, с известными модификациями, существует во Франции и по сей день².

Второй сценарий развития университетского образования связан с идеологическими исканиями Карла Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), воплотившимися в модели классического немецкого университета, которая в свою очередь, стала знаменем модернизационных преобразований, направленных на преодоление кризиса рубежа XVIII-XIX вв. Как справедливо отмечалось в исследователями, модель классического немецкого университета выступает исключительно феноменом поля университетской идеологии, а не паттерном организации существовавшей в реальной исторической действительности³. В действительности, преобразование университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка в немецких государствах происходило на принципах этатизма, хотя и представленных в максимально компромиссном виде. По сути дела, государство закрепляло за собой внешнее управление университетами, трансформировав их в государственные учреждения. Кроме того, были разработаны механизмы вмешательства государственных комиссаров в дела внутренней администрации университетов, относительно которых декларировались принципы академической автономии и корпоративности.

Содержание понятий академической автономии и корпоративности сужались до масштаба примитивной самодеятельности в учебной и научной сферах, для первой, и до узкого круга университетского эстеблишмента, для второй. В данной ситуации возникало обширное виртуальное пространство для политических игр университетской меритократической олигархии,

позволявших, пусть и в иллюзорной форме, сохранять навыки социального инжиниринга и управления, которые, в конечном итоге, позволили немецкой профессуре сыграть первой скрипкой на заседаниях Национального собрания во время революционных событий 1848-1849 гг. Угнетение же студенческой университетской корпоративности немецких государствах, следует признать важной предпосылкой развития молодёжного революционного движения. Эта закономерность справедлива для Франции, Италии и ряда других европейских стран, где студенческая корпоративность, оказываясь не востребованной в конструктивном ключе, актуализировалась в деструктивной форме.

Тем не менее, модель классического немецкого университета воплотила в себе допустимый компромисс между политикой этатизма в сфере университетского образования и содержанием европейской университетской традиции. Достигнутый компромисс, создал предпосылки для выработки эффективных решений политико-административного, структурно-организационного и гуманитарно-технологического характера, обеспечивших, на какое-то время, устойчивое функционирование системы высшего образования, ядром которой выступает университетский сектор сферы образовательной деятельности высшего порядка, в чём и заключается причина широкой, едва ли не всемирной, популярности этой модели в качестве образца для подражания.

За пределами рассмотренных сценарных вариантов оказался ход развития университетского образования в островной части Европы и в государствах, возникших, в пространстве европейской культурной традиции, на месте бывших колониальных владений на территории американского материка. Допустимо, в известной степени, вести речь о некоей взаимности в развитии университетского образования в XIX – первой половине XX вв. существовавшей между островной частью Европы и странами, расположенными на североамериканском континенте. В силу различных внутренних причин в обоих ареалах прослеживается общность стратегии развития в ключе европейской университетской традиции.

Для Англии среди причин такого развития событий надо назвать то обстоятельство, что здесь сравнительно рано были выработаны «приемлемые правила игры» во взаимоотношениях между университетами, государством и религиозными организациями (церквями и сектами). Университеты британского архипелага, за исключением шотландских *Alme mater*, в XIX – первой половине XX вв. развивались в ключе тенденций, берущих начало ещё во время «коллегиальной революции». Однако принципы обучения в колледжах

претерпели изменения в плане изживания начал факультетской субструктуры и секуляризации университетской корпоративности. Примером воплощения обновлённых принципов коллегиальной организации университетского образования служит основанный во второй половине 20-х гг. XIX в. Лондонский университет⁴. Британским университетам не только удалось сохранить академическую автономию, но и обеспечить себе статус полноправного политического и хозяйственно-экономического субъекта, опираясь на который университетскому образованию Туманного Альбиона оказалось возможным обеспечивать значительную системную независимость.

В отношении развития системы высшего образования в США в XIX – первой половине XX вв., необходимо отметить, что европейская университетская традиция оказала на него большое влияние. Университетское образование в Соединённых Штатах в указанный период характеризуется сохранением принципов университетской корпоративности и академической автономии, нашедших воплощение в особой роли традиционных структур факультетско-коллегиальной организации. Системная организация университетского образования в этот период сохраняет автономный корпоративный характер, что, с нашей точки зрения, связано со сложившимися здесь механизмами обеспечения устойчивого развития, построенных на принципах корпоративности различного происхождения: территориального, профессионального и религиозного.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исторический опыт европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. не только оказывал значительное влияние на развитие высшего образования в рамках европейской культурной традиции не только в самой Европе, но и далеко за её пределами. Кроме того, изучение его содержания предоставляет средства для более глубокого и всестороннего понимания путей развития высшей школы в европейском культурном ареале в XIX – первой половине XX вв.

Опираясь на результаты анализа исторического опыта эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., представляется возможным сформулировать ряд предложений, способных оказать помощь в управлении и реформировании системы образования.

Исторический опыт показывает, что преобразование системы образования в плане её более полного, глубокого и всестороннего интегрирования в окружающее социокультурное пространство следует проводить путём усиления корпоративного начала в структурах образовательной деятельности высшего порядка. Начала корпоративности следует усиливать во всей сис-

теме образования, на всех её уровнях и во всех структурных подразделениях. Высшие учебные заведения университетского статуса необходимо преобразовать в корпоративные организационные структуры образовательной деятельности высшего порядка на службе у общества и государства.

Университетам должна быть предоставлена широкая автономия в рамках законодательного пространства, определяемого государством. Государство имеет полное право назначать своих комиссаров, действующих при академических административных органах. Комиссары обладают активным, но не решающим правом голоса.

Финансирование университетов осуществляется из ряда источников. В первую очередь речь идет о специальных финансовых фондах, накапливающих материальные средства конкретного университета. Деятельность фондов носит коммерческий характер. Средства фондов следует размещать в виде акций, недвижимости, инвестиций в наиболее прибыльных объектах и предприятиях. Схема функционирования подобных фондов должна предусматривать степень защиты, адекватную принятой в системе пенсионного обеспечения США.

Вторым источником финансирования системы университетского (вузовского) образования выступает государственный заказ, обеспеченный в полной мере всеми видами ресурсов. К государственному заказу примыкает такой субисточник, как муниципальный заказ. Спецификой муниципального заказа служит возможная более гибкая схема ресурсозаменяемости, подразумевающая возможность частичной замены финансового ресурса другими видами материальных и нематериальных ресурсов.

Третий источник – инвестиции в образовательные и научно-исследовательские программы университетов, осуществляемые организациями, предприятиями, деловыми структурами, сторонними фондами и др.

Четвёртый источник финансирования университетского образования состоит в частных и коллективных пожертвованиях, благотворительности, меценатстве.

Пятый источник – индивидуальная плата студентов за обучение (*col-lecta*⁵). Максимальный размер подобной платы не должен превышать 10 % от стоимости индивидуальной образовательной программы по избранной специальности. Рекомендуемый уровень – не более 5 %. Подразумевается, что образовательная деятельность не будет рассматриваться как вид коммерческой деятельности. Объёмы платы студентов ни при каких условиях не связываются с компенсацией затрат на образовательную программу, а носят символический характер.

В университетской администрации необходимо строго соблюдать принцип: «один человек – одно «кресло»». Представляется продуктивным разделить функции управления учебной деятельностью и корпоративной администрации. Для этого следует ввести пост канцлера университета, который и будет управлять образовательной деятельностью, а за ректором оставить функции корпоративной администрации.

В плане структуры системы образования представляется необходимым подвергнуть её трансформе. Смысл данной трансформы должен сводиться к усилению её горизонтальной и диагональной организации путём смещения приоритетов от субординации к координации. Придание системе образования сетевой конфигурации на фоне оптимизации её иерархичности призвано создать условия для полноценной социокультурной интеграции, осуществлённой на здоровых корпоративных началах.

Изучение эволюции корпоративного самоуправления университетского образования в европейской традиции раскрывает перед нами содержание массива уникального исторического опыта позволяющего не только глубоко и всесторонне осмысливать проблемы современных систем образования, формулировать оригинальные подходы к их решению, но быть готовыми к трудно прогнозируемым переменам, уготованным человечеству, тревожно ощущаемым уже сегодня, Будущим.

---

¹ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 759.

² Семёнов А. Проблема реформы французского университета в 50-60 годах XX века (общественно-политические аспекты) // Европейский альманах, 2001. История. Традиции. Культура: Реформы и реформаторы. – М.: Наука, 2002. – С. 75-78.; Селерье А. Система образования Франции // Международное сотрудничество. – 1999. - № 2-3. – С. 22-24.; Джурицкий А.Н. Развитие образования в современном мире. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 196.

³ Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. – 2003. - № 3. – С. 49-50.

⁴ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 4. История педагогики от Песталоцци до настоящего времени. Ч. 2. - М., 1881. – С. 237-238.

⁵ Верже Ж. Средневековый университет: учителя // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 4. – С. 33.

ГЕОПОЛИТИКА – ДОМИНАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ

Л.В. Шенотько

канд. ист. наук, профессор кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Отечественная историческая наука переживает сегодня новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей «происходит не переписывание, а переосмысление истории России»[1]. В этой связи вполне естественным становится процесс поиска «смыслового ключа», способного объяснить с позиций системного подхода механизм мировой политики и территориальных трансформаций. Особое внимание при этом уделяется соотношению между географическим расположением стран, их этническим составом и общественно-политическим строем, а так же международным статусом соответствующих государств. Так постепенно складывается научный интерес к дискуссионно известной теории, названной геополитикой.

Главные принципы нового подхода к осмыслению истории были изложены (хотя и в несистематизированном виде) еще германским географом и этнографом, профессором Лейпцигского университета Ф. Ратцелем в его работах «Антропогеография» и «Политическая география», изданных в 1882–1887 гг. Естественно-природные элементы физической географии «оживали», становясь частью политической системы – государства. При этом определялась прямая зависимость пространственно-географических характеристик государства от культурного (в широком смысле) развития. Одновременно отмечалась прямая связь между социально-хозяйственной деятельностью государства и территориальными изменениями, выявлялся алгоритм роста государства. Составляющими этого процесса были поглощение малых государств, стремление абсорбировать в своих границах всю полноту географического ландшафта (прежде всего выходы к морям), реки, равнинные территории и природные ресурсы. Фактически Ф. Ратцелем делались два основных вывода в отношении закономерностей развития государства – стремление к охвату политически ценных территорий и непрерывность изменения политического пространства.

Системную картину взаимодействия пространства и политики, несмотря на все трудности этого, попытался представить британский географ Х. Маккиндер в опубликованной им в 1904 г. лекции «Географический стержень истории». Глав-

ной ее идеей стала констатация значимости внутреннего пространства (так называемой сердцевины) Евразии – как основного исторического региона мировой политики. Господство над «стержнем» рассматривалось как фактическое господство в мире, предусматривавшее контроль над морями. К сожалению, работа Х. Маккиндера оказалась вне поля зрения российских геополитиков.

Проблема российского могущества русскими геополитиками рассматривалась в контексте системы координат – Россия между Западом и Востоком. Для Д. Менделеева, П. Струве, В. Ламанского, П. и В. Семеновых Тянь-Шанских главными вопросами были: определение места России на континенте и в мире в целом; поиск формулы развития государственно-территориального организма страны; выявление наиболее подходящего для нее вектора внешнеполитических устремлений.

Вопрос о пространственно-цивилизационном расположении был наиболее дискуссионным, т. к. касался вполне практической проблемы – внешнеполитического курса страны. Пространственное и культурологическое место России определялось, в частности Д. Менделеевым, как элемент внесистемный, испытывающий на себе постоянно «эффект сжатия»: «Страна – то ведь наша особая, стоящая между молотом Европой и наковальней Азией, долженствующая так или иначе их помирить»[2].

Проблема поиска так называемого пространственного центра России, что имело практическое значение как для вопросов государственно-территориального строительства, так и для внешнеполитических задач, по-разному звучит в работах русских геополитиков.

П. Струве после поражения в русско-японской войне считал, что России необходимо направить усилия на ту область, которая действительно доступна влиянию русской культуры. Эта область – весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю[3]. Из такого господства само собой вытекает политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке.

Совершенно иначе к проблеме «центра» подходили антропогеографы. Их позиция озвучена А. Семеновым Тянь-Шанским весной 1908 г. Место России в Азии объяснялось им в практическом плане: «Главное значение для всех наших азиатских владений и прежде всего для Сибири заключается в том, что они представляют для нашей колонизации, т. е. для стока избытков возрастающего населения Европейской России почти такую же площадь, какую представляет для всей Западной Европы Америка»[4].

Близки к этим тезисам были и выводы Д. Менделеева, который считал пространственным центром России условную точку южнее Туруханска.

В законченной (насколько это определение может относиться к развивающейся науке) форме российская геополитическая теория относительно России была сформулирована В. Семеновым Тянь-Шанским в 1915 г. Он утверждал, что не следует различать Европы от Азии, а стараться соединить их в единое целое, в противовес выдвигаемой от времени до времени желтой расой доктрине «Азия для азиатов». Следует выделить между Волгой и Енисеем особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии[5].

Таким образом, русская геополитическая мысль начала XX в. стремится найти для России наиболее комфортное место в системе геополитического структурирования, выявить наиболее подходящий для нее вектор внешне-политических устремлений.

В конце XX в. появляется заслуживающая внимания геополитическая теория В. Л. Цимбурского о России как гигантском острове, отдаленном от Европы и Среднего Востока «территориями-проливами»[6]. К «территориям-проливам» автор относит территории Восточной Европы, Кавказ и Среднюю Азию.

Логика рассуждений автора состоит в следующем. XVI–XVII вв., когда Россия геополитически, культурно признавала себя вне коренной Европы, стали эпохой «островной» самореализации – она вбирала в себя сибирские и приморские пространства. Русские брали, как шедшие позднее на запад североамериканские колонисты, «ничейное», заполняя собой остров. По инерции, начиная затухать, тот же процесс шел и в XVIII в., доведя русских до Южных Курил, Аляски, Калифорнии.

Но после завоевания шведско-немецкой Прибалтики и переноса столицы на крайний северо-запад, акценту российской геополитики оказываются кардинально переставлены. Петр I ошибался, когда успокоительно сулил России судьбу пожать за несколько десятилетий плоды европейских достижений, и затем повернуться к Европе «задом». Не европейцы, пожелавшие стать европейцами – русские – облекли свой западнический порыв в поэтапное «похищение» Европы – «территорий-проливов». Россия, вбирая в XVIII–XIX вв. в свой состав Прибалтику, Украину, Крым, Белоруссию, Бессарабию, Финляндию, Польшу боролась за роль непосредственно европейской силы, изживая допетровское «островитянство».

Запад рано осознал связь нашей евромании с исходящей от нее угрозой. У многих, включая К. Маркса, А. де Кюстина, Г. Джеймса эти страхи усугублялись сознанием нашей неевропейской социальности – мы инородная сила. Ф. М. Достоевский писал по этому поводу: «Они поняли, что нас много, 80 миллионов, что

мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут... Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации»[7].

Выявляется связь между затрудненностью в отдельные эпохи расширения России в Европе и движением на восток. Весь XIX в. – это помыслы о Дальнем Востоке, но Россия не заглядывает дальше естественных границ уссурийско-амурского междуречья, на исходе столетия вдруг устремляется в Маньчжурию. И причина тому – англо-американская активность в Китае. В результате Япония в 1904–1905 гг. фактически оказывается агентом Европы и США против России. Вывод – Россия склонна предпринимать широкие акции на востоке, когда ей бывает, заблокирован вход в Европу, причем объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна в данный момент задеть нервы Запада.

Вследствие такой политики Средняя Азия, Кавказ оказались преобразованы Россией в новый вторичный ряд «территорий-проливов» и играющие такую же роль относительно Среднего Востока, какая принадлежит Восточной Европе в отношении Европы Западной.

Таким образом, логика рассуждений В. Л. Цимбурского приводит к выводу о равнодушии России к трудным пространствам изначального острова, лежащим в стороне от регионов так или иначе охваченных игрой за русское европейство. Она сдает южные Курилы Японии. Продвигаясь в Среднюю Азию навстречу англичанам, отказывается от Аляски. И войну за Маньчжурию проигрывает по убожеству сибирской инфраструктуры: осваивает Китай, не освоив Дальний Восток.

Приоритетным направлением геополитических интересов России сегодня является развитие регионов «острова» - Сибири и Дальнего Востока. В направлении западных «территорий-проливов» у России нет никаких перспектив, в направлении южных «территорий-проливов» у России лишь оборонительный интерес, поэтому восточные районы начинают добирать недобранное за великоимперские века. Можно предвидеть, что в ближайшее время они «потянут одеяло на себя» и геополитический фокус России будет смещаться на ее трудные, такие же неосвоенные как в XVIII - XIX вв. сибирские и дальневосточные территории. Геополитический центр России должен будет сместиться во внутренние и восточные области. Россия возможно в XXI в. сможет опровергнуть слова А. Солженицына о том, что Сибирь и Дальний Восток – это большая совесть нашей государственности.

Об освоении Сибири и Дальнего Востока писали много, но обычно в духе региональной истории, при этом геополитический и цивилизационный подходы

практически не использовались. А ведь именно данная методология позволяет показать как и насколько глубоко повлияла восточная часть России на развитие европейской части страны, на всю русскую историю, в какой степени Дальний Восток определяет перспективы России в XXI в. Геополитический подход позволяет увидеть сходство исторических ритмов развития западно-европейских держав и Российского государства. Во многом открытие Америки и покорение Сибири синхронизированы и качественно сходны как процессы, принадлежащие эпохе Великих географических открытий и расцвета международной торговли, которую можно характеризовать как первую глобализацию. Потребность в приращении ресурсов и развитии торговли направляла усилия европейских держав за океан, и эта экспансия обеспечила рост их могущества и высокие темпы развития. Устремление Российского государства на Восток также диктовалось потребностями в дополнительных ресурсах и стратегической безопасности. Последние были по-своему еще более острыми, т. к. страна находилась в отдалении от мировых торговых путей, и даже за выход к полузакрытым морям ей приходилось вести тяжелую борьбу с соседями. Для России вопрос заключался не столько в создании предпосылок для нового витка развития, сколько в том, чтобы не оказаться на обочине исторического прогресса, превратившись в заштатное государство и объект колонизации более развитых государств.

Успешный выход Российского государства в Сибирь и Дальний Восток имел глубокие последствия для развития страны и упрочил ее положение в тогдашнем мире. Россия не была оттеснена на периферию исторического развития и, более того, освоение восточных территорий превратило не слишком устойчивое Московское государство в мощную, богатую природными ресурсами, многонациональную мультикультурную Российскую империю. При этом значение восточной части России все более возрастало, и в силу своего географического положения она превратилась в военно-стратегический тыл Российского государства, стала своеобразным «донором» европейской части страны, не раз, выручая ее в критических ситуациях.

С освоением Сибири и Дальнего Востока Россия вступила в культурно-цивилизационное взаимодействие с исламскими и буддистско-ламаистскими народами Северной Азии, а затем и с пограничными конфуцианскими странами. При этом русская цивилизация, не оставаясь неизменной, сохраняла свою основу и сама оказывала глубокое влияние на другие народы и культуры. Вхождение в состав России новых необъятных территорий нашло свое отражение и в менталитете русского народа.

Русская колонизация отличалась от западноевропейской, причем дело здесь не только в том, что первая была сухопутной, вторая – заморской, но и в том, что в ходе русской колонизации не возникали колонии, а складывалась единая государственная территория. Иным, в целом более гуманным и конструктивным, было и отношение к аборигенам как русских переселенцев, так и государства. Туземное население не вытеснялось и не уничтожалось, а сохраняло собственный образ жизни, нормальный естественный прирост, обменивалось с пришельцами опытом ведения хозяйства в суровых природных условиях. В отличие от «плавильного котла» Соединенных Штатов восточные регионы России заселялись преимущественно одними русскими, сохранявшими свои национальные черты и оказавшими положительное влияние на развитие духовной и материальной культуры коренного населения.

Конечно, нельзя идеализировать процесс освоения восточной территории России. Дело в том, что русская колонизация осуществлялась в более архаичных, отсталых формах, нежели освоение «дикого Запада» в Америке. С приходом русских на начальной стадии порой не только не утверждались прогрессивные экономические отношения, но могли использоваться и самые «теневые» формы эксплуатации, заимствованные из туземной практики. Имели место и негативные экологические последствия. В то же время культурная дистанция между русским землепроходцем и сибирским аборигеном была не столь велика, чтобы породить полную несовместимость их хозяйственных укладов. Вместе со слабой заселенностью края это обстоятельство не вело к «очищению» территории от коренного населения. Взаимодействие духовных традиций и верований не всегда протекало гладко, хотя дело никогда не доходило до религиозных войн.

При характеристике отношения к нерусским народам царских властей отмечаются патерналистские тенденции и прагматизм, стремление законсервировать традиционные формы социальной организации, быта и хозяйствования аборигенов. Революция 1917 г. повлекла за собой социалистическую модернизацию и ускоренную унификацию, что нанесло серьезный урон социокультурному «плюрализму» старой России. Политика советской власти имела для малых народов как положительные, так и отрицательные последствия, причем цивилизационно-культурная унификация все же не была доведена до конца: социокультурные и этнокультурные различия сохранились.

При общем прогрессивном значении для страны колонизации восточных регионов, появление в составе России огромных территорий, богатых разнообразными ресурсами, в целом способствовало упрочению и сохранению существующих режимов, поскольку сама возможность переселения

людей из европейской части в Сибирь и на Дальний Восток снижала остроту социальных противоречий, замедляя в то же время переход к интенсивным методам хозяйствования.

В результате крушения советской системы, распада СССР и «либеральных» реформ восточный регион страны оказался в положении тяжелого и затяжного кризиса, а то и разрушения. Как в Сибири, так и на Дальнем Востоке резко упало индустриальное производство, что привело к деформации экономики, да и всей жизни населения. Позиции России на ее восточных территориях критически ослабели, в то время как Азиатско-Тихоокеанский регион, по общему признанию геополитиков, имеет в XXI в. большие перспективы

Но тяжелое положение восточной России не означает, что она будто бы утратила свое значение для страны. Она остается ее главной топливно-энергетической базой и смягчает тяжелые последствия системного кризиса. И на сегодняшний день это не «осколок» или «придаток» России, а ее важнейшая составная часть и резерв развития. Для современной России выход состоит не в том, чтобы отказаться от необъятных просторов страны, «сжать» ее рамки, а в оптимизации использования нашего огромного пространства.

В движении Российского государства на Восток сочетались желание приобрести дополнительные ресурсы для модернизации со стремлением к достижению геополитически безопасных рубежей. На всем протяжении существования Российского государства задачи хозяйственного развития страны сливались с задачами обеспечения ее стратегической обороны. Эту сторону дела упорно не хотят видеть некоторые зарубежные авторы, представляющие русскую экспансию чем-то исключительным, словно территориальное расширение не было характерной чертой развития всех сильнейших европейских держав, и ищущие ее объяснение то в некоем избытке внутренней энергии, то в абсолютистском режиме, то в русском мессианстве.

Продажа Русской Америки в 1867 г. одно из проявлений начавшегося заката Российской империи, которая достигла геополитического предела своего расширения. За этим последовали потери в результате русско-японской и Первой мировой войн. После возрождения на несколько десятилетий сталинского правления бывшего могущества России «советская империя» в короткий срок не только лишилась внешних поясов защиты, но и оказалась перед реальной угрозой внутренней дезинтеграции.

Осмысление истории движения русских в Сибирь и на Дальний Восток с позиций геополитики позволяет выйти за рамки исследования регионального характера. Привлечение специалистов по экономической, политиче-

ской и этнокультурной истории России позволит проследить соотношение стихийного и государственного начал в процессе освоения восточных территорий, значение отсутствия в Сибири и на Дальнем Востоке крепостничества, влияние ссыльных поселенцев, а так же сравнить колонизацию восточных территорий с продвижением Русского государства на Юг.

Литература

1. Сахаров А. Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. – 2002. - № 8. – С. 10.
2. Менделеев Д. К познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории. – М.: Интерпрас, 1994. Ч. 2. – с. 22, 23.
3. Струве П. Patriotika. Политика, культура, религия: Сб. статей за пять лет. 1905 – 1910 // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией... Ч. 1. – с. 136.
4. Улуян А. А. Русская геополитика: внутрь или вовне? (Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX века) // Общественные науки и современность. – 2000. - № 2. – С. 68.
5. Там же. С. 69.
6. Цимбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. – 1993. - № 5. – С. 6 – 23. Его же. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1994. - № 3. – С. 3 – 11.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – М., 1983. – Т. 25. – С. 22.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ DES MAÎTRES

БАНДИТИЗМ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТЕРРОРИЗМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920-Е ГГ.

Н.А. Шабельникова

д-р ист. наук, профессор кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Длительное время Дальний Восток был наиболее опасным регионом страны по бандитизму. Понятие "бандитизм" стало общеупотребительным терминологическим определением, которым характеризовалось наиболее опасное проявление уголовной преступности, только в начале XX века. Если в начале столетия, говоря о дерзкой групповой уголовщине, любое из объединений преступников обычно называли шайкой (или реже – ватагой), то в послереволюционное время всюду начали эксплуатировать новый общеходно-словесный штамп – "банда"¹. Согласно действующему уголовному законодательству (ст. 209 УК РФ) бандитизм – вид преступления, сопряженный с совершением опасных вооруженных корыстно-насильственных нападений на организации или граждан. В последнем случае граждане особенно уязвимы, так как под угрозой ставится не только собственность, но и их жизнь. Как свидетельствует практика, в 78% случаев бандитские нападения заканчиваются убийством².

Для признания вооруженной группы лиц бандой у нее должны были присутствовать определенные признаки, а именно: устойчивая сплоченная деятельность преступной группы в ходе подготовки одного или нескольких нападений, вооруженность и специальная цель. Устойчивая деятельность, в свою очередь, включала высокую степень организованности банды, постоянство форм и методов деятельности, наличие прочных постоянных связей между ее членами³. Нападение при бандитизме характеризовалось протяженностью по времени, открытостью, созданием непосредственной угрозы применения насилия, которое могло быть физическим (побои, вред здоровью различной степени тяжести, убийства, ограничения свободы и т.д.) или психическим (предполагающим угрозу немедленного применения насилия), а также выражалось в уничтожении имущества, строений и т.д.⁴

Высокая степень общественной опасности бандитизма во многом определялась вооруженностью участников банды, которыми оружие в любой момент могло быть применено в отношении одного или нескольких человек. Следовательно, под угрозой ставилась жизнь одного или нескольких человек, что вызывало повышенную опасность для общества.

Для выработки мер по борьбе с бандитизмом в марте 1921 года состоялось совещание с представителями Главнокомандующего НРА, Госполитохраны и Главного управления милиции под председательством министра внутренних дел. В июле 1922 года при МВД ДВР создается комиссия по изучению причин, порождающих бандитизм, и разрабатываются меры по борьбе с ним. В состав комиссии входят представители ГПО, административного отдела, НРА, Министерства юстиции и народной милиции. В целях принятия самых решительных мер для ликвидации банд комиссией была создана Центральная тройка по борьбе с бандитизмом. На местах было признано создать областные комиссии–тройки, в состав которых вошли начальники областных и уездных ГПО, старшие войсковые начальники и начальники областных и уездных управлений милиции. Начальникам милиции и волостным милиционерам вменялось в обязанность, под личную ответственность, сообщать тройке о всех проявлениях банд и о тех, кто их укрывал. На местах тройки по борьбе с бандитизмом вели точный учет численности и состава банд, координировали действия по борьбе с ними. В 1922 г. в среднем 2 раза в месяц проводились операции по ликвидации бандитских групп.

Наиболее крупной и опасной бандой, оперировавшей на территории Дальнего Востока в период ДВР, была банда под руководством К. Ленкова. В одной из последних операций по уничтожению остатков банды, ее "штаба" 19 мая 1922 г. при исполнении служебного долга погиб руководитель угрозыска Д.И. Фоменко. Среди жертв банды были два сотрудника угрозыска В.В. Петров и П.Е. Вальков⁵.

С 1 по 25 октября 1922 г. в г. Чите проходил судебный процесс над бандой Ленкова. В ходе судебного разбирательства, которым руководил председатель Высшего кассационного суда ДВР Евгений Михайлович Матвеев, 15 человек были оправданы, 19 приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам (от 3 до 20 лет) заключения – "к общественно-принудительным работам с лишением свободы"⁶.

В архивных документах сохранились прошения, направленные правительству ДВР участниками банды Ленкова – Исланиди Алексеем, осужденным Высшим кассационным судом на 20 лет принудительных работ, и Лукьяновым Тимофеем, осужденным на 15 лет. Ввиду опасной деятельности, которую вела банда Ленкова, данные прошения остались без ответа⁷.

Проявляемое бандами насилие в Дальневосточном регионе в 1920-е годы осуществлялось на значительной территории. Образ действия банд практически ничем не отличался от деятельности уголовного элемента. Все, что представляло собой ценность, "доступную для легкой переноски и перевозки, отбиралось бандитами, независимо от того, кто являлся собственником таковой". Убийства и насилие над гражданами – основные проявления бандитизма. В первую очередь бандитами отбирались деньги, золото, оружие и боеприпасы, транспортные средства с лошадьми, предметы первой необходимости в виде продуктов питания и одежды⁸.

Банды, оперировавшие в приисковых районах (приисковый бандитизм), разделялись на два вида: профессиональные банды и банды случайные, образовавшиеся из местного населения и неудачников-золотоискателей. Последние вступали в банды нередко для того, чтобы путем совершения нескольких грабежей приобрести средства для обеспеченной жизни. Таким же образом формировались банды в низовьях Амура, куда ежегодно устремлялись на рыбные промыслы тысячи людей.

Об общественной опасности бандитизма можно судить по тому, что о данном виде преступности неоднократно публиковались заметки в периодической печати. Так, в газете "Дальневосточный путь" журналисты, оценивая обстановку, сложившуюся в регионе, неоднократно отмечали: "Российская контрреволюция выродилась в уголовщину" и "теперь не отличишь, где кончается уголовщина и начинается белобандитизм"⁹.

В качестве опорных баз политического бандитизма использовались пограничные с РСФСР страны, на территории которых находились лагеря и военно-вербовочные пункты. На Дальнем Востоке такие лагеря и пункты находились в Маньчжурии. Одной из крупных белогвардейских организаций, основанных на территории Маньчжурии, была белоповстанческая организация Временного Приамурского правительства, возглавляемая генералом Шильниковым. Штаб этой организации имел четыре отдела: оперативный, контрразведывательный, вербовочный и санитарный. О значительных масштабах деятельности этой организации можно судить по тому, что у нее существовала прочная материальная база. В Зареченской слободе (на территории Маньчжурии) имелся учебный центр по военной подготовке завербованных. При штабе организации была создана специальная служба тыла, группы по скупке оружия, лошадей и т.д.¹⁰

В непосредственной близости от Благовещенска, в районе Сахалина, был организован крупный центр – "Амурская военная организация" во главе с генералом Сычевым. Она также имела штабы, службы, а ее боевые от-

ряды насчитывали до 1500 человек¹¹. Кроме названных, в Маньчжурии действовали десятки более мелких организаций.

В конце октября – начале ноября 1922 г. на территорию Маньчжурии и Кореи перебрались довольно крупные группировки белогвардейских войск. Части генерала Смолина в районе ст. Пограничной насчитывали свыше 3500 человек, в Хунчуне собралось около 10 000 солдат и офицеров, большая группа сконцентрировалась в районе г. Имяньпо, около 7500 – высадились в корейском порту Гензан (Вонсан). Гириная группировка включала 7000 человек. Среди них были семьи, чиновники, офицеры различных тыловых учреждений, но некоторые части сохранили военную организацию¹².

Помощь белобезженцам оказывали Япония, Англия, Франция, Америка. От японского военного командования представители "белого" движения получали продовольствие, обмундирование (гимнастерки, брюки, ботинки, шинели). Большую помощь белобезженцам оказывало "Особое совещание русского общества Красного Креста", на иждивении которого в 1922 г. находилось: 14 000 человек в районе Хайлар – ст. Маньчжурия, 4000 – в Харбине, 3000 – в других городах Маньчжурии. Средства это совещание получало из Парижа, представители китайского командования пожертвовали ему 100 000 пудов пшеницы. Значительную материальную помощь оказывал французский Красный Крест.

В начале 1923 г. в бандитских формированиях на территории Дальнего Востока насчитывалось около 4 тыс. человек. Семенов, Сычев, Глебов и др. готовили банды к активным действиям в весенне-летний период 1923 г. Наибольшее развитие бандитизм получил в Приамурье, главным образом на территории современной Амурской области и Приморья. Только в апреле месяце 1923 г. на территории Приморской губернии действовало 11 банд, состоящих из 50 – 600 человек¹³. В Забайкалье бандитизм был развит меньше, преимущественно на территории Сретенского и Нерчинского уездов, так как Сретенский уезд граничил с Амурской губернией, куда часто заходили банды, усиливая местный бандитизм¹⁴.

Особенно активизировались банды весной и летом 1923 г., распространив свои действия почти на все губернии Дальнего Востока. В Охотске и Аяне действовали банды генерала Пепеляева, в Камчатской губернии – есаула Бочкарева, в Приморскую, Амурскую и Забайкальскую губернии постоянно совершали налеты бандиты из-за границы.

В Приамурье численность банд имела разнообразный характер: мелкие – 8–10 человек, и крупные – до 100 человек. Среди главарей было немало офицеров, хорошо подготовленных в военном отношении. Банды совершали вне-

запные нападения на населенные пункты, убивали людей, сочувствующих новой власти, уничтожали продовольственный и семенной хлеб, разрушали телеграфные линии, разрушали государственные учреждения. Бандиты были подвижны, хорошо знакомы с местными условиями и умело их использовали. В населенных пунктах они не задерживались, скрывались в тайге, избегали сосредоточения вблизи железных дорог, а при малейшей опасности уходили за границу, где, отсидевшись и пополнив израсходованные боеприпасы, вновь совершали налеты на советскую территорию или же, пользуясь поддержкой зажиточной части населения, скрывались среди населения. Действия бандитов наносили большой вред хозяйству.

Имели место случаи, когда образовавшиеся с политическими целями банды после совершения двух–трех погромов, получив отпор от населения и милиции, уходили в тайгу и переходили к совершению преступлений с целью обогащения. Так, в июле 1923 г. в Приамурье появилась из-за границы банда под руководством некоего Сергея, которая совершила нападение на Архаринский сельский совет. Забросав сельсовет гранатами, ранив председателя и секретаря, бандиты скрылись. Для ликвидации этой банды из работников милиции, ГПУ и ЧОНа был сформирован отряд в 25 человек, однако бандиты, не вступая с ним в бой, ушли в тайгу.

Активизация действий бандитских групп в Приморской губернии связана с началом деятельности отряда Овечкина, действовавшего по определенным указаниям из Гензана от генерала Глебова. Связь между отдельными отрядами и штабом в Гензана подтверждалась целым рядом перехваченных писем белогвардейцев, в частности письмом, адресованным полковнику Филиппову, которое было послано человеком, командированным для связи в Гензан. Кроме того, было зафиксировано получение 1 000 рублей Овечкиным из Гензана. В свою очередь, средства на организацию белого движения гензанский штаб получал через Семенова в Японии, которого финансировали японцы и которому было отпущено 50 000 рублей золотом¹⁵.

Отряды, финансируемые белым движением, состояли из малых групп и действовали по всей границе. Наиболее опасными из них были: банда Овечкина, занявшая ряд сел в Никольск-Уссурийском уезде, и банда полковника Емлина (полковник получил специальную командировку из Гензана для организации отряда) в районе Пограничного. Самостоятельно действовали 6 отдельных маленьких отрядов в районе Санчагоу¹⁶.

Опасность этих банд заключалась в их мобильности и поддержке крестьянством. Банда Овечкина была организована в декабре 1922 г. Сам организатор и руко-

водитель банды был коренным дальневосточником. Его родина – село Ново-Качалинское Платоно-Александровской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской губернии. Бывший есаул и станичный атаман не раз преследовался партизанами за контрреволюционную деятельность при белых правительствах в Приморье. Боевой состав банды исчислялся в 200 человек, из которых 25% представляла действующая часть, остальные – крестьяне Приханкайского района. В начале 1923 г. в состав банды Овечкина влилась уголовная шайка, состоявшая исключительно из бандитов-рецидивистов, во главе которой стоял грабитель и убийца Воронов – "Ворона". Боевой состав банды полковника Емлина также внушал вполне обоснованное опасение – 120–150 человек. В нее входили представители личного конвоя Семенова, Уфимских стрелков-татар и офицерства, бежавшего за границу. Основное место базирования – в районе села София-Алексеевское¹⁷.

В составе банд были казаки, боровшиеся с Советской властью в отрядах атаманов Калмыкова, Гамова и Семенова, а затем бежавшие в Манчжурию, контрабандисты, совершившие тяжелые преступления (убийство пограничника или таможенника), также сбежавшие от возмездия за границу, дезертиры, уголовники¹⁸.

В архивных документах также встречаются факты, свидетельствующие о том, что среди работников милиции были люди, которые сами являлись организаторами банд. Так, бывший помощник начальника железнодорожной милиции г. Никольск-Уссурийска Василий Иванович Коростелев оказался бывшим белым офицером, не принял новой власти, эмигрировал в Китай, а в январе 1924 г. сформировал банду из 25 человек. По оперативным сводкам, отслеживающим движение бандитизма, в середине февраля численность банды составляла 48 человек¹⁹.

Действие бандитизма в широких масштабах проявлялось не только в количестве налетов (например, за 15 дней февраля 1923 г. различными группами было совершено 13 бандитских налетов, во время которых убито 3 человека и взято несколько тысяч рублей денег из собранных налоговых сумм), но и в существовании связи банд между собой. Действовавшая в Гродековском районе (Приморье) с января 1924 г. банда Семенова, численностью 30 человек, обеспеченная 80-ю лошадьми и хорошим вооружением, была связана с бандами Коростелева и Овечкина. А в марте 1924 г. банда Коростелева объединилась с бандой Семенова и достигла численности 100 человек. По оперативным данным, банда была не только хорошо вооружена винтовками и наганами, но и имела взрывчатку для террористических операций²⁰.

Большой активностью выделялась действовавшая во Владимиро-Александровской волости Ольгинского уезда Приморского края банда братьев Космыниных и Кожиховых – "лесных братьев", так они себя назы-

вали. У бандитов широко была развита своя агентура. Пользуясь услугами своих помощников, бандиты знали о расположении и передвижении милицейских сил. В таких селах–глубинках, как Перетино, Унаши, Душкино и др., "лесных братьев" можно было встретить и днем, свободно прогуливающимися по селу. Из-за присутствия бандитов в села долгие месяцы не завозились необходимые крестьянам и охотникам товары. За керосином или спичками нужно было совершать путешествие в волостной центр, сопряженное с большой опасностью. Особенно жестокими "лесные братья" показали себя по отношению к коммунистам и комсомольцам.

В изучаемый период действия бандитских групп имели различную направленность, но основной центр тяжести приходился на сельские советы и волостные исполкомы²¹. В Спасском уезде погиб член волисполкома Журавский, бандой Терешина тяжело ранен и замучен член Усть-Карийского волисполкома Александров, в июле – секретарь Барано-Оренбургского сельсовета Гродековской волости. В августе из засады застрелены председатель Ивановского волисполкома коммунист П.Д. Яшин, волполитпросветорганизатор Карасев и два комсомолец. В конце сентября убит председатель Яковлевского волисполкома Никитин, от пыток умер секретарь Варфоломеевского сельсовета Спасского уезда Ильиченко²².

Оживление бандитизма начиналось, как правило, весной. Незначительные его вспышки в это время в различных районах Дальнего Востока являлись предвестниками усиления бандитизма в летнее время. Бандитские группировки сохраняли организационное единство в течение одного срока. При разгроме банд их уцелевшие главарь скрывались в Маньчжурию²³.

В Маньчжурии, оказывая помощь белобандам, в 1924–1925 гг. действовали многочисленные белоэмигрантские организации: Лапердина и Воронова, занимавшиеся скупкой оружия и лошадей для формирования белобанд Федосеева, Размахнина, Перебоева, крупная организация Мациевского, распространявшая свои операции на всю западную Маньчжурию и непосредственно подчинявшаяся атаману Семенову. На территории Маньчжурии банды формировались, отдыхали, получали оружие, боеприпасы, обмундирование. В районе Дербул–Ган базировались многочисленные банды, оперировавшие в Забайкалье. Они опирались на помощь полковника китайской армии Ин и начальника полиции, а "свободному передвижению бандитов способствовало местное китайское командование". В пограничных районах по течению реки Амура китайские власти вооружали и использовали отряды "белых" как свою военную силу²⁴.

Деятельность банд практически ничем не отличалась от методов работы уголовного элемента. Грабили все ценное: в первую очередь – деньги, золото, оружие, боеприпасы, транспортные средства с лошадьми, предметы первой необходимости и продукты. Убийства и насилия были общим явлением для всех банд. При совершении налетов крупные банды делились на мелкие группы, в 6–7 человек и более, в зависимости от предполагаемого грабежа и возможного сопротивления. Зарубежные банды при налетах на территорию Дальнего Востока задерживались не более 5–6 дней, после чего скрывались за границу. Для обеспечения успеха операции главари банд выбирали объекты грабежа, располагавшиеся на знакомой им территории или по их прежнему месту жительства. Группы и отдельные бандиты переходили из одной банды в другую, что свидетельствовало о наличии связи между шайками и определенных пунктов вербовки, являвшихся своего рода "биржами труда". Отдельные, не объединенные общим руководством банды имели, в основном, уголовный характер.

Для организованной борьбы с бандитизмом требовалось применение комплекса мер уголовно-правового характера, включающего следующие компоненты²⁵:

1) уголовно-правовые меры предупреждения бандитизма, к которым относятся: пропаганда уголовного законодательства о бандитизме; официальное предостережение потенциальных правонарушителей; побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатых преступных действий; содействие социальной адаптации правонарушителей, отбывших наказание, в целях предупреждения с их стороны рецидива;

2) уголовно-правовые меры пресечения бандитизма: ликвидация бандитизма путем необходимой обороны и задержания преступников; привлечение к ответственности за приготовление или покушение на преступление;

3) уголовно-правовые меры реализации ответственности лиц, являющихся членами банды: выявление, регистрация фактов бандитизма, возбуждение уголовных дел и раскрытие преступлений; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением.

По решению органов власти (в то время советских и партийных органов) для ликвидации банд организовывались подвижные отряды из работников милиции, ГПУ, ЧОНа, красноармейцев, которые провели ряд успешных операций²⁶.

Проблема борьбы с бандитизмом была в центре внимания государственных и партийных органов. В первой половине 1923 г., в связи с увеличением количества противоправных действий, совершаемых бандформированиями, было принято ре-

шение о создании особых отделов ГПУ, в задачу которых входила организация и координация борьбы с бандитизмом²⁷.

Общее руководство борьбой с бандитизмом осуществляли партийные органы. Для повседневного оперативного руководства, оказания помощи местным партийным организациям в ликвидации бандитизма по решению ЦК РКП (б) была создана центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, наделенная чрезвычайными полномочиями. В ее состав входили представители ЦК РКП(б), СТО, Реввоенсовета республики, ВЧК, ЧОН, НКПС, Главного командования РККА. Комиссия работала под руководством ЦК РКП(б). На Дальнем Востоке решением Дальбюро ЦК РКП(б) была также создана комиссия по борьбе с бандитизмом, которую возглавил командующий 5-й Краснознаменной армией А.И. Седякин. Комиссия являлась оперативным центром, обеспечивающим координацию деятельности воинских частей и сил правоохранительных органов, задействованных в уничтожении вооруженных группировок.

Основные действия по ликвидации бандитских групп и отрядов предпринимались частями Красной Армии, войсками ВЧК–ГПУ и ЧОН. Для вызова вооруженной силы в целях ликвидации банды должна была поступить четкая ориентировка с указанием создавшейся обстановки, данных о численности, места дислокации²⁸. Участвуя в совместных операциях, милиция подчинялась военному командованию, ведущему операции по ликвидации банд в каждом конкретном районе. Будучи хорошо знакомой с местной обстановкой и настроением населения, милиция успешно помогала решать задачи разведки, несения гарнизонной и караульной служб, борьбы с остатками банд и одиночными проявлениями бандитизма.

Трудности борьбы с бандитизмом заключались не только в многочисленности банд и их связи между собой, но и в слабом обеспечении оружием и средствами передвижения оперативных формирований, ведущих борьбу с бандитизмом. Так, начальник милиции села Духовского Приморской губернии М. Безпалько, докладывая оперативную обстановку по бандитизму, обращал внимание на то, что "бандиты ходят по селу, а наше горе в том, что мы не имеем оружия. Иначе бы мы такие мелкие шайки уничтожали бы сами".

Опыт борьбы с бандитизмом летом 1923 г. показал, что залогом успеха является создание специализированных отрядов, подвижных, хорошо вооруженных, опирающихся на поддержку крестьян и местные гарнизоны. На областном совещании представителей ГПУ было высказано пожелание о том, чтобы мелкий уголовный бандитизм (банды численностью не свыше 10 человек), независимо от по-

литической окраски, ликвидировались бы непосредственно органами милиции²⁹. Так, силами милиции Владимиро-Александровской волости Ольгинского уезда была ликвидирована банда "лесных братьев" Космыниных–Кожиховых. В борьбе с бандитами сложили голову милиционеры Петр и Тихон Рослые³⁰. На смену братьям, поменяв свою заветную мечту – учиться в университете, в милицию пришел Константин Рослый. В августе 1924 г. Ольгинский уком РКП(б) принял решение назначить начальником Владимиро-Александровской милиции Константина Рослого³¹. Возглавив милицию, Константин Рослый продолжил борьбу с бандитизмом во Владимиро-Александровской волости.

Большая заслуга в разгроме наиболее крупных и опасных банд в Приморье принадлежала особому отряду, которым командовал Г.В. Демин, а комиссаром был А.О. Розен. Отряд был сформирован из бывших партизан, в него были приняты жители городов Никольск-Уссурийска и Спасска, а также пограничники. Большое значение в успешных действиях отряда Демина имело и хорошее знание местности, ибо многие из бойцов партизанили в этом же районе в 1921–1922 гг.

В целях успешной борьбы с бандитизмом и другими преступлениями отделом управления Дальревкома в июне 1925 г. был издан приказ, предусматривающий "всем губернским уголовно–розыскным объединениям в плановом порядке ввести через секретно–осведомительную сеть разведку о передвижении всех группирующихся на территории Китая и оперирующих на территории Дальневосточной области бандитских шайках, освещая попутно вопросы об их численности, вооружении, составе, главарях, намерениях и прочее, имеющее важное значение для успешной борьбы с ними". Все указанные сведения рекомендовалось немедленно сообщать местным органам ОГПУ, которые, в свою очередь, должны были передавать эти сведения для ведения разведки уголовному розыску³².

Задачи, функции и основные направления работы органов милиции и уголовного розыска по борьбе с бандитизмом определялись приказами, инструкциями и циркулярами, изданными ЦАУ НКВД и отделом управления Дальревкома на основе и в развитие постановления ЦИК СССР от 9 мая 1924 г.: приказ отдела управления Дальревкома (ДОУ) № 9/с – 1924 "О предоставлении сведений о бандитизме"; приказ ЦАУ НКВД № 30/с – 1924 "О борьбе с бандитскими нападениями"; приказ ЦАУ НКВД № 44/с – 1924 "О содействии органов милиции и уголовного розыска охране поездов и пароходов от бандитских нападений"; циркуляр НКВД № 213 от 21 мая

1924 г. ""Об учете и предоставлении оценки бандитизма"; циркуляр ДОУ № 145/с от 18 июля 1924 г. "О борьбе с бандитизмом" и др.

В соответствии с указанием Дальбюро ЦК РКП(б), Дальревком, рассмотрев вопрос "Об установлении чрезвычайных мер в районах, охваченных бандитизмом", 22 января 1924 г. принял постановление "Об образовании военных советов по борьбе с бандитизмом в Приморской, Амурской и Забайкальской губерниях"³³. Военные советы были чрезвычайными органами, им по линии борьбы с бандитизмом подчинялись все военные и гражданские учреждения. В состав Совета входили: командующий войсками губернии, секретарь губкома РКП(б), председатель губисполкома и губернского отдела ГПУ.

Постоянно действовавшие до марта – июня 1924 года губернские военные советы по рекомендации Дальбюро ЦК РКП (б) были заменены губернскими политическими совещаниями. Они начали действовать в качестве особого органа, обеспечивающего контроль партийных комитетов и возглавлялись секретарями губкомов РКП (б). В январе 1924 г. политические совещания создаются в Приморской, в марте 1924 г. – в Амурской и в конце 1924 г. – в Забайкальской губерниях³⁴.

Аналогичные совещания, как правило, называвшиеся в документах "военно-политическими", были образованы и в уездах, где особенно активно действовали банды. В состав троек входили представители губернских (уездных) партийных комитетов, губернских (уездных) исполкомов советов и представители правоохранительных органов. Тройки наделялись широкими административными полномочиями, кроме того, при них формировались экспедиционные отряды из подразделений Красной Армии, войск ГПУ и милиции. В состав троек могли входить оперативные работники чрезвычайных комиссий и специальных сессий революционных трибуналов. Комиссии–тройки являлись межведомственными органами, вырабатывающими наиболее целесообразные меры борьбы, определяющими причины возникновения бандитизма и размеры его угрозы для республики.

Тройки контролировали следующие данные³⁵: "1) общие сведения о частях, ведущих ликвидацию банд: их состав, благонадежность, настроение, дисциплина; обеспеченность продовольствием, обмундированием, транспортными средствами; 2) общие сведения о составе банд: офицерство, местные крестьяне, кулачество, дезертиры; и т.д." Всем начальникам областных, уездных и волостных милиций, председателям волостных и сельских управлений было рекомендовано сообщать председателю местной тройки о движении всех банд, их количестве и составе, снабжении и вооружении, отношении к ним населения. За несвоевре-

менное сообщение этих сведений должностные лица несли ответственность перед судом, как укрыватели бандитов.

Несмотря на поиски форм и методов борьбы с бандитизмом, трудности борьбы с этим опасным явлением заключались в недостаточном финансировании. Основанием для ходатайства отдела управления Дальревкома перед центром о выделении средств на борьбу с бандитизмом являлось то обстоятельство, что органы милиции и уголовного розыска Дальнего Востока финансировались из средств местного бюджета. Начальник Отдела уголовного розыска ЦАУ НКВД Николаевский ознакомившись с ситуацией по ликвидации бандформирований на Дальнем Востоке дал указания разработать план по борьбе с бандитизмом, который предусматривал следующие мероприятия³⁶:

1) изучение районов, где бандитскими группами совершались различные преступления; анализ сведений о количестве притонов, их содержании и социальной опасности; выяснение таежных тропинок, по которым двигались банды, и охотничьих зимовий, в которых банды имели пристанища, с занесением их на карты для легкости ориентирования на местности в процессе поиска "летучими отрядами".

2) сбор сведений о социальном и количественном составе банд, их руководителях, местах дислокации.

3) изучение преступного элемента в сельских местностях, имеющих связь с бандами и оказывающих им содействие разными видами довольствия, а также сообщающих сведения о действиях органов власти, ведущих с ними борьбу.

4) устройство секретных оперативных баз в уездах, с заброской туда одежды, боеприпасов, оружия и продовольствия для отрядов.

5) организацию развитой сети секретного осведомления путем создания особого секретного аппарата, имеющего своей основной задачей борьбу с бандитизмом и не сливающегося с органами волостных милиций.

6) создание при краевом и губернском отделах уголовных розысков особых активных групп, в обязанности которых входило руководство деятельностью специальных отрядов, занятых борьбой с бандитизмом.

7) организацию особых отрядов из сотрудников уголовного розыска и местного населения.

8) работу по организации зарубежного осведомления, для выявления действия банд на китайской территории, концентрации бандгрупп в определенном месте, времени и месте перехода за границу и т.п.

Одной из форм борьбы с бандитизмом была помощь населения. По решению Главного управления милиции партийные органы и профсоюзы предприятий в порядке очередности выделяли людей для работы в милиции, где каждый должен был отработать не менее 7 дней. Для более эффективной борьбы с преступностью работники милиции разбивались на три бригады по принципу ее основной классификации. Бригады производили дознание по своей отрасли самостоятельно, но под контролем инспектора дознания. Каждая бригада во время дежурства производила все оперативные действия по всем преступлениям независимо от их характера³⁷. Данная форма участия населения в борьбе с преступностью была вынужденной и просуществовала недолго. С формированием профессионального аппарата милиции необходимость в ней перестала существовать.

Таким образом, бандитизм как особый вид терроризма в Дальневосточном крае коренным образом отличался от бандитизма в центральных губерниях страны. На Дальнем Востоке это было явление хроническое, имевшее место еще при царском правительстве и усилившееся после окончания гражданской войны. Значительное влияние на усиление бандитизма оказали: близость границы с Китаем, через которую и прежде проходили на Дальний Восток шайки хунхузов; социальный состав самого населения, состоявшего большей частью из бывших уголовных ссыльных и каторжан, которые, выйдя в разряд ссыльных, осели в крае, не порвав со своим уголовным прошлым; характер промыслов края с сильно развитой золотой промышленностью, контрабандой. Причем контрабандный промысел, "имея большое распространение, не мог не развиться в характере населения известного рода авантюризма"; невысокая плотность населения при громадной незаселенной площади, покрытой труднопроходимыми лесами, дающими убежища скрывающимся бандам; сочувствие части крестьянства (в основном казачества) определенным группировкам бандитов, носившим, в основном, политический характер.

Вооруженную борьбу с бандитскими выступлениями в 1920-е годы милиция Дальнего Востока проводила совместно с пограничными частями, органами ГПУ, Красной Армией и отрядами ЧОН.

По месту дислокации бандитизм на Дальнем Востоке подразделялся на *внешний (зарубежный)* и *внутренний*. По целям, задачам и методам деятельности бандитизм был *политическим (белобандитизм)* и *уголовным*. Советским законодательством, на основании объективных признаков, белогвардейские формирования квалифицировались как банды. Вместе с тем, те группировки белых, кото-

рые преследовали политические, антисоветские цели, рассматривались как анти-советские организации. Ответственность участников и организаторов таких банд наступала по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за особо опасные государственные преступления. Несмотря на то, что по целям бандитизм подразделялся на уголовный и политический, нередко банды имели смешанный, уголовно-политический характер, и грань между этими видами бандитизма была подвижна и условна.

На территории Дальнего Востока преобладал внешний бандитизм, поэтому большинство банд были кочующими и имели свою оперативную базу за границей, куда скрывались в случаях неудачи и куда уходили с наступлением зимы. Внешний бандитизм был тесно связан с имущественным благосостоянием белобеженцев в Китае и тех остатков белых армий, которые после их разгрома осели в Китае. Местных банд было немного, и они были немногочисленны. В случаях, когда банды были немногочисленными и могли быть ликвидированными без помощи воинских сил, организовывались особые отряды из числа сотрудников уголовного розыска и милиции, которые при взаимодействии с отрядами ЧОН принимали меры к ликвидации банд. В отдельных случаях органам уголовного розыска и милиции предоставлялось право привлекать регулярные войсковые части.

---

¹ Тарасов А.Д. Век российского бандитизма. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 3.

² Мельникова Ю.Б., Устинова Т.Д. Квалификация бандитизма и недостатки в прокурорской практике при поддержании государственного обвинения в суде // Проблемы ответственности и наказания в свете реформ уголовного законодательства. – М., 1995. – С. 40.

³ Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества. – М., 1997. С. 96–97.

⁴ Каримбеков А.Ж. Понятие бандитизма и меры уголовно-правового воздействия на данный вид преступления. – М., 2000. С. 11.

⁵ Музей МВД России. Власов А. Громкий процесс. – "Экстра". – 1998. № 11(63). – 12–18 марта. – С. 18.

⁶ Музей МВД России. Власов А. Министр внутренних дел ДВР. – С.7.

⁷ ГАХК. Ф. 19, оп. 1, д. 34, л. 305.

⁸ ГАРФ. Ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 205.

⁹ Дальневосточный путь. – 1922. – 14 мая; Там же. – 1922. – 10 октября.

¹⁰ ГАХК. Ф.П. 44, оп. 1, д. 385, л. 16–17.

¹¹ ГАРСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 574, л. 16.

¹² Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Т. 1. – Томск, 1973. – С. 342.

¹³ ГАПК. Ф.П. 61, оп. 1, д. 261, л. 28–32.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 175.

¹⁵ ГАПК. Ф.П. 61, оп. 1, д. 97, л. 81.

¹⁶ ГАПК. Ф.П. 61, оп. 1, д. 97, л. 81(об.).

¹⁷ Архив УВД Приморского края. Исторический фонд. Т. 25, л. 220, 222–223.

¹⁸ ГАРСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 223, л. 99.

¹⁹ Архив УВД Приморского края. Исторический фонд. Т. 25, л. 317–318, 346.

-
- ²⁰ Архив УВД Приморского края. Исторический фонд. Т. 25, л. 349, 355, 538.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. 2422, оп. 1, д. 1113, л. 11, 103–104.
- ²² ГАРФ. Ф. 1235, оп. 102, д. 423, л. 19–21.
- ²³ ГАХК. Ф.П. 358, оп. 1, д. 63, л. 161.
- ²⁴ Дальневосточный путь. – 1924. – 29 февраля.
- ²⁵ Гришанин П.Ф. Меры уголовно-правового воздействия на преступность и их реализация органами внутренних дел: Лекция. – М., 1996. – С. 3.
- ²⁶ ГААО. Ф. 114, оп. 1, д. 131, л. 1–3.
- ²⁷ ГАРСПИ. Ф. 76, оп. 3, д. 283, л. 1–3.
- ²⁸ Архив УВД Приморского края. Исторический фонд. Т. 26, л. 20; Там же. Т. 2, д. № 19/48, л. 134; Там же. Т. 25, л. 94.
- ²⁹ ГААО. Ф.П. 9, оп. 2, д. 182, л. 12.
- ³⁰ ГАПК. Ф.П. 61, оп. 1, д. 261, л. 99.
- ³¹ Ходасевич А.П. Милиция таежного края. – Хабаровск, 1969. – С. 131, 135.
- ³² ГАРФ. Ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 46–46 (об.).
- ³³ РГИА ДВ. Ф. Р. 2422, оп. 1, д. 723, л. 1.
- ³⁴ ГАПК. Ф.П. 61, оп. 1, д. 362, л. 26; ГААО. Ф.П. 9, оп. 2, д. 182, л. 35; ГАЧО. Ф.П. 81, оп. 1, д. 324, л. 83.
- ³⁵ ГАРСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 159, л. 10.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 209–210.
- ³⁷ Исаева Т.С. Особенности борьбы с преступностью на Дальнем Востоке в первые годы советской власти // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: Сб. науч. трудов. – Владивосток, 1992. – С. 202.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Н.А. Беляева

д-р ист. наук, профессор кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Специфика Дальнего Востока выразилась в особом значении экономических связей с сопредельными странами и прежде всего с Китаем, с которым у России было более 3 тыс. верст общей границы. Основной, приоритетной, формой двусторонних отношений стала сухопутная торговля.

Приоритет торговых отношений нашел отражение практически во всех русско-китайских договорах второй половины XIX в. Уже первый из них, Айгунский (1858 г.), провозглашал «свободное купечество» подданных обоих государств на протяжении всей границы и предписывал «начальствующим лицам» обоих стран оказывать содействие торгующим людям. Тяньцзиньским трактатом (1858 г.) России предоставлялось право ведения морской торговли с признанием ее наиболее благоприятствуемой нацией.

Если провозглашение принципов добрососедства и равноправной торговли в двусторонних отношениях было достигнуто ценой огромных дипломатических усилий, то вхождение России в число ведущих морскую торговлю европейских держав произошло в рамках общеевропейского «давления» на Китай после второй опиумной войны.

Русско-китайский договор открыл серию неравноправных Тяньцзиньских договоров, результатом которых стала постепенная утрата Китаем таможенной автономии. Без усилий получив все привилегии, которых иностранцы добивались десятилетиями с помощью беспрецедентного давления, Россия приобрела и огромные морально-психологические преимущества. Сотрудничавший с газетой «New-York Daily Tribune» К. Маркс в одной из своих статей объяснял этот феномен тем, что русские никогда не вели морской торговли с Китаем, никогда не вмешивались в нее. Именно поэтому на них не распространялась та антипатия, «с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря, смешивая их не без основания, с пиратами-авантюристами»¹. Всеми этими преимуществами Россия в полной мере смогла воспользоваться в собственных интересах и, прежде всего в интересах освоения вновь обретенных владений. Пекинский дополнительный договор (1860 г.) впервые заявил о феномене приграничной беспошлинной торговли на расстоянии 50-верст (100 китайских ли) по обе стороны сухопутной русско-китайской границы.

Специфика русско-китайской торговли как приоритетного направления двусторонних отношений определялась, во-первых, исключительным значением именно сухопутной торговли; во-вторых, монополией России на ее ведение (К. Маркс называет это «компенсацией» за отсутствие возможности вести морскую торговлю на равных с другими европейскими державами условиях²); в-третьих, долговременным характером закрепленных в трактатах регулирующих сухопутную торговлю норм.

Первоначально сухопутная торговля рассматривалась российским правительством как важнейшее средство обеспечения российских экономических интересов. Эта сторона истории двусторонних торгово-экономических отношений подробно исследовались М.И. Сладковским. Основной целью при выборе мер для стимулирования русско-китайской сухопутной торговли он считал «создание условий, обеспечивающих ей конкурентоспособность в соперничестве с быстро растущей английской морской торговлей, в том числе торговлей чаем, составлявшим главную статью русского ввоза из Китая через Кяхту и центрально-азиатскую границу»³. Включенность торговли, развивающейся на двусторонней основе, в общий контекст международных торго-

вых отношений требовала учитывать «английский фактор» при проведении русской торговой политики. На этом обстоятельстве акцентирует внимание исследовавший дипломатическую историю русско-китайской границы В.С.Мясников⁴. По мере усиления России в ее дальневосточных владениях сухопутная торговля все более воспринималась как гарантия добрососедских отношений с Китаем, поддержания «status quo» в регионе, достижение которого долгое время было главной целью российской дипломатии.

Направление и формы русско-китайской сухопутной торговли определялись особыми нормативными актами в сфере торговой дипломатии – Правилами для сухопутной торговли. Первые из них были приняты в 1862 г. Главным направлением сухопутной торговли в этот период продолжал оставаться кяхтинский торг, а главной формой оставалась сложившаяся еще в начале XVIII в. транзитная торговля. Таможенное законодательство России отразило определенный уровень развития двусторонних связей. Порядок таможенного оформления товаров был закреплен в таможенном Уставе 1857 г.

Именно в Правилах для сухопутной торговли, декларированные в трактатах принципы и нормы, получали дальнейшее развитие. В них были определены основные пути товарного движения, количество участвующих в торговле российских купцов, порядок пошлинного обложения, в том числе и перечень сопровождающих груз документов, порядок действий китайских таможенных чиновников и русских консулов, в чью компетенцию входила защита интересов российских торговцев. Предусматривались и особо оговаривались санкции за нарушение установленных правил. М.И.Сладковский выделяет пять основных позиций, закрепленных в первых Правилах 1862 г., надолго определивших облик русско-китайской сухопутной торговли: 1) установление беспошлинной торговли на расстоянии 100 ли (50 верст) от границы по обе ее стороны; 2) разрешение беспошлинной торговли русских купцов в контролируемой китайской администрацией Монголии; 3) снижение на $\frac{1}{3}$ размера пошлины, взимаемой с русских товаров при движении их через Калган в Тяньцзинь; 4) обложение предназначенных для вывоза в Россию китайских товаров в Калгане только транзитной пошлиной (в размере половины ввозной); 5) полное освобождение от дополнительного обложения китайских товаров, приобретенных русскими купцами в Тяньцзине, но ввезенных туда из других портов, где они уже были оплачены пошлиной⁵. Все эти ставшие традиционными позиции сохраняли свое значение и последующих Правилах 1869 и 1881 г.

Особую роль в развитии русско-китайской сухопутной торговли сыграли Правила 1881 г., заключенные в качестве приложения к Санкт-Петербургскому догово-

ру. Действовавшие на протяжении почти четырех десятилетий, они закрепили реальный объем льгот, которые получали русские купцы и русские товары на основе двусторонних договоренностей, создав основу для правовой защиты всей русской торговли в Китае. Именно достижение реального равенства русских в Китае и китайцев в России было, по определению А.Д.Воскресенского, важнейшей задачей российской торговой дипломатии⁶. В Правилах 1881 г. сохранилось влияние некоторых положений, касающихся регулирования всей вообще европейской торговли в Китае – запрет на торговлю под видом российских туземными (китайскими) товарами, право китайских властей принимать соответствующие меры против контрабанды, жесткая привязка таможенных ставок к общеевропейскому тарифу, действовавшему в открытых для европейской торговли портах.

Современники и историки по-разному оценивали само значение Правил для сухопутной торговли. Уже в первые годы действия Правил 1881 г. у авторитетных представителей русской администрации сложилось мнение, что они вполне соответствуют российским интересам. Более того, именно российские интересы были «поставлены в них выше китайских», а все возникавшие неясности «всегда трактовались в нашу пользу»⁷. Это замечание управляющего Амурской казенной палатой выражает весьма распространенное мнение тех, кто рассматривал перспективы развития русско-китайской торговли с точки зрения государственного интереса и уже тогда видел в ней возможность укрепления экономических позиций России на своей собственной территории.

Однако в отечественной историографии существует и иная точка зрения. М.И. Сладковский, например, считает, что реальное значение Правил для сухопутной торговли, несмотря на общий свойственный им «дух доброжелательности», было невелико «поскольку внешняя торговля Китая фактически оказалась под контролем Англии»⁸. Хотя это замечание относится к самым первым Правилам, согласиться с ним можно лишь отчасти, если иметь в виду место сухопутной торговли в общем объеме русско-китайских внешнеэкономических связей. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические сведения о масштабах и характере двусторонней торговли касаются, в основном, торговли через Кяхту и западно-китайскую границу. Именно на этих сведениях основано большинство исследований по истории русско-китайских внешнеторговых связей. В.И.Покровский – начальник статистического отделения Департамента таможенных сборов – объяснял невозможность воссоздания целостной картины русско-китайской торговли средствами статистики неполнотой данных (многие товары провозились в Россию помимо таможенных учреждений), а так же от-

сутствием учета реальных оборотов сухопутной торговли как с российской, так и с китайской стороны⁹. Сама организация статистического учета, напрямую связанная с особенностями развития таможенной службы обоих государств во второй половине XIX века, исключала возможность появления таких достоверных сведений. Напомним, что в условиях порто-франко в Приамурье не было необходимости открывать российские таможенные учреждения, выполняющие, в том числе, и функции ведения статистического учета. С момента частичного обложения иностранных товаров в российских тихоокеанских портах ведение статистической отчетности было поручено чинам акцизного ведомства. Однако она касалась только морского ввоза, а с 1890 г. сбор даже этих сведений вовсе прекратился, возобновившись только с учреждением временного таможенного надзора во Владивостоке и Николаевске (1899 г.). Некоторые сведения о сухопутной торговле можно почерпнуть из материалов управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Именно на их основе были составлены статистические приложения к обобщающему труду «Описание Маньчжурии». Однако и эти данные, по свидетельству самих составителей, страдали неполнотой и отражали лишь общие тенденции развития сухопутной торговли.

Не лучше обстояло дело и с таможенной статистикой Китая, прежде всего в силу особенностей самой его таможенной системы. Сложный механизм таможенно-тарифного регулирования в Китае во второй половине XIX века сочетал в себе современный и архаический (традиционный) способ ведения таможенного дела. Первый, эффективный и динамичный, был создан под давлением иностранных держав в открытых для иностранной торговли портах и с 1854 г. находился под английским контролем¹⁰. Китайские морские таможни к середине века представляли собой образцовые учреждения, а публиковавшиеся ими таможенные отчеты до сих пор считаются наиболее полными источниками по истории внешней торговли в регионе. Естественно, что эти отчеты содержали статистические сведения только о морской торговле Китая.

Второй (традиционный) способ ведения таможенного дела сохранился, благодаря усилиям казны, как писал О.Е.Непомнин, «ревностно охранявшей и усиливавшей внутренние таможенные барьеры на пути межпровинциального и более ограниченного товарообмена»¹¹. Территория страны была буквально опутана системой внутренних таможен, застав с их филиалами и постами, взимающих многочисленные и разнообразные таможенные сборы¹². Особое место среди них занимал лицзин (ликин, лицзинь) – внутренняя транзитная пошлина, взимаемая при провозе товаров по тер-

ритории страны. Введенный в 1853 г. как чрезвычайный военный налог, лицзин просуществовал до начала 20-х годов XX века, несмотря на постоянные требования иностранных держав об его отмене. Но главной проблемой для сухопутной торговли было даже не само существование внутренних пошлин, а отсутствие четких правил, норм их расчета и механизма взимания. Все местные сборы, поступаая в провинциальную казну, находились в распоряжении местных властей, так же как пошлины с товаров, привозимых по рекам на судах маломерного флота (джонках). Размеры этих сборов были произвольны, произвольными были основания для исчисления (с судна, с веса, объема, стоимости товаров и т.д.) пошлин. Все это открывало широкий простор для злоупотреблений.

Как правило, показанные в отчетах местных таможен цифры дохода существенно отличались от реальных. Обращая внимание на это обстоятельство, пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнин приводил пример: в то время как отчеты Баяньтуньской таможни на р. Сунгари в конце 1880-х годов определяли ежегодную сумму взысканных пошлин в 2,5 тыс. руб., на самом деле она достигала 12-15 тыс. руб. Другая таможня, Хуньчуньская, регистрировала товарооборот в размере около 350 тыс. руб., а реальное количество проходивших через нее товаров превышало этот показатель более чем в 2 раза¹³. Чиновники российского Министерства финансов, знакомившиеся с внешней торговлей и таможенной системой Маньчжурии в конце XIX в., констатировали тот печальный факт, что «таможенная китайская часть в Маньчжурии, на сухопутной границе, в особенности, служит более средством наживы для чиновников, чем целям государственного фиска, и отчеты всех таможен, за исключением одного лишь порта Ин-цзы (Инкоу – Н.Б.) не соответствуют действительному движению товаров»¹⁴.

Все это делает невозможным воссоздание полной картины русско-китайской торговли на основе как российской, так и китайской таможенной статистики. Однако можно представить некоторые тенденции ее развития в рассматриваемый нами период. Опираясь на данные российской статистики внешней торговли, исследователи отмечают постепенно формирующееся пассивное сальдо в торговле России с Китаем. Эта тенденция появляется только во второй половине XIX в. и не характерна для меновой торговли первой половины века с ее эквивалентным обменом. Уже в 1841-1850 гг. среднегодовые соотношения ввоза/вывоза русско-китайской сухопутной торговли свидетельствуют о сокращении доли иностранных товаров (реэкспорта) среди общего сухопутного вывоза из России в Китай. Составлявший в период 1801-1810 гг. 51,1% этот показатель в 1841-1850

гг. уменьшился в 10 раз. Соответственно с 46,9% до 94,9% увеличился среднегодовой показатель доли русских товаров в общем объеме вывоза в Китай. Одновременно появляется и другая тенденция – китайский ввоз в Россию начинает преобладать над вывозом из нее. Уже в 1841-1850 гг. среднегодовое соотношение ввоза/вывоза складывалось не в пользу российских товаров (50,2%). Эта тенденция прослеживается и на среднеазиатской границе, где доля ввозимых из Китая товаров составила за период 1841-1850 гг. в среднегодовом выражении 59,9%¹⁵. В дальнейшем это соотношение стало меняться еще заметнее. К началу 90-х годов доля Китая во внешней торговле России не превышала 3,3% (4% в импорте и 0,6% в экспорте). В это же самое время доля России во внешней торговле Китая достигла 4,1%. При этом ввоз китайских товаров в Россию превышал вывоз российских товаров в Китай в 8 раз¹⁶. Для кяхтинской торговли этот показатель накануне отмены порто-франко составил почти 12 раз¹⁷.

Еще одной тенденцией развития русско-китайской сухопутной торговли было постепенное общее сокращение ее оборотов. Исследователи объясняют это явление развитием новых путей движения товаров, в частности, морской доставки чайных грузов. После разрешения ввоза чая через сухопутные таможни Европейской России в этот процесс включились и русские чайные компании. Накануне отмены порто-франко обороты сухопутной русско-китайской торговли через Кяхту (преимущественно чайной торговли) составили всего 54,5% от предыдущего 1899 г. А в следующем 1901 г. этот показатель упал до 32,8% к уровню предыдущего и до 17,9% к уровню 1899 г. Этот процесс был следствием переориентации грузопотоков в связи не столько с развитием морской торговли, сколько с развитием транспортной инфраструктуры вообще и в первую очередь железнодорожного транспорта и судоходства на Амуре, о чем косвенно свидетельствует нарастание ввоза чайных грузов, доставляемых морем в Николаевск и оттуда по Амуру. А это означало падение роли традиционных форм сухопутной торговли и развитие ее новых форм.

Однако регламентировавшаяся Правилами для сухопутной торговли традиционная торговля не исчерпывала всех российско-китайских торгово-экономических отношений. Кроме чисто экономического эффекта в широком значении этого слова она имела и более узкое местное значение как средство для обеспечения необходимыми товарами населения российских приграничных территорий.

История приграничной русско-китайской торговли начинается с момента появления постоянных русских поселений на Амуре. Уже в первых рус-

ско-китайских договорах была сформулирована своего рода программа ее поощрения и развития. Однако между провозглашением принципов взаимовыгодной приграничной торговли подданных обоих государств и установлением ее отлаженного механизма прошло немало времени. Входя в более общее понятие «сухопутной торговли», приграничная торговля имеет свои географические и исторические рамки, свои особенности в отношении порядка приграничного торга, спроса и предложения, состава участников и, естественно, ее регулирования. Эти проблемы рассматривались в современной историографии¹⁸, однако поднимались лишь в общем контексте внешнеэкономических отношений двух государств и народов и никогда не рассматривались с точки зрения таможенной политики.

Процесс обустройства государственной границы в Приамурье сопровождался приданием организованного характера стихийно развивавшимся торговым отношениям. Административные акты, направленные на упорядочение приграничной торговли, предшествовали принятию первых Правил сухопутной торговли между Россией и Китаем (1862). Инициатором административного регулирования приграничной торговли выступали местные власти. По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева вскоре после подписания Тяньцзиньского договора были приняты первые в истории торговых отношений России и Китая правила приграничной торговли. Основные их положения окончательно оформились в результате личных встреч Н.Н.Муравьева с айгуньским фудутуном¹⁹. В сентябре 1858 г. они были доведены до сведения населения Амурской области.

Правила для приграничной торговли 1858 г. опирались на нормы Айгуньского договора и намечали основы для последующего регулирования приграничной торговли в Приамурье: ее меновый и беспошлинный характер; невмешательство чиновников в торговые дела; отсутствие ограничений в числе участников и объемах торговых оборотов. В целях соблюдения надлежащего порядка проведение торговли ограничивалось специально отведенными для этого местами, где торговля разрешалась только в дневное время. Организационной формой приграничной торговли должны были стать ярмарки в Благовещенске (семь дней в месяц). Особые статьи Правил были посвящены важнейшему принципу приграничной торговли – равноправию участников. «При торговле в промен вещей – гласила статья 8-я – непременно наблюдать справедливость, а не делать так, чтобы взяли малое количество, стараться выменять более и тем доводить до споров и ссор»²⁰. Специально оговаривалась и недопустимость торговли запрещенными то-

варами. При этом за противоправные деяния участники торгового пути наказывались каждый по законам своего государства.

В сопровождающем Правила письме генерал-губернатор Восточной Сибири особо рекомендовал местным властям стараться «все дела оканчивать на месте без дальнейших жалоб и беспокойства высшему начальству и соблюдая во всей точности заключенный нами трактат и обоими государствами утвержденный». Об этом был проинформирован и представитель китайской администрации в Айгуне²¹.

Правила 1858 г. несколько раз корректировались по взаимному согласию сторон и в определенной степени учитывались при подготовке дипломатических документов, касавшихся ведения сухопутной торговли. Уже в Пекинском дополнительном договоре 1860 г. (ст. 14) особо оговаривалось, что «со временем, когда в постановленном в сем договоре касательно сухопутной торговли встретится что-либо для той или другой стороны неудобное, то генерал-губернатору Восточной Сибири предоставляется войти по сему предмету в соглашение с пограничными сановниками Дайцинского государства и составить дополнительные условия»²². Это трактатное положение свидетельствует, что российская дипломатия значительно продвинулась по пути признания сухопутной приграничной торговли особой сферой двусторонних отношений, хотя попытки организовать ее «на особых основаниях» наталкивались на противодействие китайской стороны. Одну из причин такой ситуации «соавтор» Правил 1862 г. Л.Ф. Баллюзек объяснял принципиальным нежеланием Китая предоставлять какие-либо особые условия кому-либо, а так же стремлением не упустить малейшую выгоду от иностранной торговли. Именно этим объясняется существование в Правилах для сухопутной торговли 1862 г. некоторых общих для морской торговли европейцев в Китае положений (о конфискации товаров и др.). Даже Калган – один из центров сухопутной торговли – на переговорах о заключении Правил рассматривался китайской стороной не иначе как на порт, к которому следовало применить все правила, существующие для торговли в открытых портах²³. Сам Л.Ф. Баллюзек считал наиболее целесообразной линией российской политики в области регулирования сухопутной торговли полный отказ от выдвижения все новых требований к китайской стороне. Обращаясь к канцлеру А.М. Горчакову, придерживавшемуся более жесткой позиции, он писал: «С 1858 г. мы получили от Китая не только все преимущества других европейских держав, но и некоторые частные льготы и уступку огромной территории. Все это нам ничего не стоило, а между тем наша прямая торговля с Китаем доставляет правительству этой страны самые ничтожные доходы. Китайцы, привыкшие к миллионным оборотам с иностранцами, и видящие незначительность нашей караванной торговли, а между тем непрестанно новые требования для

нее, невольно, по свойственной им подозрительности, должны склониться к мнению, что мы ищем не торговли, а чего-либо другого. Разуверить их в этом, доказать им, что Россия кроме коммерческих сношений ничего более не желает, строго отстаивать обоюдные обязательства, по возможности, при настоящем положении Китая, избегать всех затруднений и тем облегчить сношения между двумя государствами – были постоянными моими целями в этой стране»²⁴. «Излишней требовательностью», считал Л.Ф. Баллюзек, можно было добиться лишь временных выгод, тогда как «прямой и справедливый» образ действий не мог быть «не оценен китайцами и не принести пользы в будущем»²⁵.

По мере заселения Приамурья все более острой становилась проблема торговли в Маньчжурии. Уравнение условий русской торговли в Маньчжурии и Монголии было еще одной важной задачей российской торговой дипломатии. Первая попытка договориться с провинциальными китайскими властями относительно «местных условий торговли» в была предпринята весной 1866 г., одновременно с переговорами в Пекине о заключении новых Правил для сухопутной торговли. Вести «местные переговоры» на этот раз было поручено военному губернатору Амурской области Н.В. Буссе. Тем самым, российское внешнеполитическое ведомство пыталось не только скрыть свою особую заинтересованность в решении этого вопроса, но и значительно ускорить процесс, избежав длительной и сложной процедуры официальных переговоров в китайской столице.

О позиции российской стороны можно судить по материалам дипломатической канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири, сохранившимся в фонде Главного управления Восточной Сибири ГАИО. Формулируя основную задачу на предстоящих переговорах, сменивший Л.Ф. Баллюзека на посту русского посланника в Пекине А.Е. Влаганли рекомендовал включить в текст «маньчжурских Правил», который будет представлен китайским властям, «некоторые подробности, которые, не стесняя нашу торговлю, признаны будут нужными по местным обстоятельствам». Действовать при этом следовало осторожно, чтобы своей настойчивостью «не запугать с первого раза» и тем самым не дать повод китайским властям «изыскивать препятствия и затруднения»²⁶.

Проект правил, положенный в основу переговоров Н.В. Буссе с властями китайских приграничных провинций, был составлен драгоманом российского посольства в Пекине А.Ф. Поповым и фиксировал четыре основных позиции: 1) установление свободной торговли по границе России с Маньчжурией; 2) разрешение китайским купцам «свободно и беспрепятственно» отправляться для торговли в Николаевск и другие центры Амурской и Приморской областей при нали-

чий билетов «от своего пограничного начальства», которые предъявлялись бы местным русским властям; 3) «дозволение» русским купцам беспрепятственно торговать во внутренних городах Маньчжурии, так же при наличии билетов от русских пограничных властей, которые так же предъявлялись бы маньчжурским властям; 4) предоставление русским купцам права продавать и покупать любые товары «без всякого стеснения» со стороны местных властей, однако без права постоянного проживания в Маньчжурии²⁷.

Российская дипломатия обстоятельно готовила военного губернатора Амурской области к выполнению сложной дипломатической миссии. К проекту Правил прилагалась пространная записка с описанием доводов, которые китайские власти могли бы использовать для противодействия русским предложениям, а так же набор возможных контраргументов из арсенала российской дипломатии с подробными ссылками на статьи трактатов и практику двусторонних отношений и международной торговли. Принципиальными позициями можно считать рекомендации: 1) строго придерживаться неразрывности понятия «Маньчжурия» и не допускать установления разных условий русской торговли в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях; 2) отстаивать беспошлинную торговлю в Маньчжурии на том основании, что здесь никогда не было таможен, а были лишь заставы для взимания местных налогов, которыми иностранная торговля не облагается; 3) избегать установления конкретного срока пребывания русских купцов в Маньчжурии; 4) использовать слово «приграничная» и не употреблять слова «сухопутная», т.к. это чревато проблемами по вопросу о плавании по р. Сунгари. Наконец, правила должны быть заключены на принятый в двусторонних отношениях срок – три-пять лет в зависимости от того, насколько в итоге в них будут учтены российские интересы. Важнейшим пунктом инструкции был последний – Н.В. Буссе предлагалось «утвердить правила на месте», избегая их посылки в Пекин. В этом случае рекомендовалось категорически настаивать на невозможности долгого разрешения дела, которое и «без того запоздало». Согласиться с китайскими требованиями о перенесении окончательного решения вопроса в столицу следовало только в самом крайнем случае, оговорив при этом срок получения ответа²⁸.

Переговоры Н.В. Буссе с представителями провинциальных властей так и не состоялись. Не был он разрешен и при заключении Санкт-Петербургского договора. Еще летом 1874 г. в период подготовки проекта новых Правил Е.К. Бюцов высказывал сомнение в возможности удовлетворить все «наши домогательства», в том числе и желание «проникнуть в

Маньчжурию» со стороны Амура и Южно-Уссурийского края²⁹. «Беспошлинной торговли в этой стране, – писал он в июле 1874 г., – китайцы не предоставят нам, потому что этим же самым они предоставили бы ее всем другим иностранцам, а учреждать таможи по их мнению не стоит, т.к. торговля наша будет ничтожна». И далее: «Трудно рассчитывать и на то, чтобы путем переговоров мы могли добиться того, чего англичане не в состоянии были выговорить себе после удачной войны, а именно права свободной и беспошлинной торговли во внутренних провинциях Китая»³⁰. Русская торговля, как и весь русский бизнес в Маньчжурии, стал развиваться в Маньчжурии только с началом строительства Китайско-Восточной железной дороги. Фактически вся российская приграничная торговля сосредоточилась в 50-верстной приграничной (льготной) полосе. К 1899 г. только через Благовещенск ее обороты достигли 2,5 млн. руб. Главную статью ввоза в Россию составляли продовольственные товары (хлеб и скот)³¹. Закрепившая эту норму ст. 1-я Правил для сухопутной торговли 1862 г. сохранилась при их изменении в 1869 и в 1881 гг.

На протяжении второй половины XIX в. основные тенденции развития русско-китайской торговли в значительной мере определялись ее трактатными основами. К их числу можно отнести: признание приоритетного значения сухопутной торговли для развития русско-китайских отношений; особое внимание приграничной торговле, закрепленную в двусторонних договорах и автономных актах систему преференций и льгот.

---

¹ Маркс К. Русская торговля с Китаем // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 12. - М., 1958. - С. 157-158.

² Там же. С. 158.

³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г). - М.: Наука, 1974.- С. 247.

⁴ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. – Хабаровск, 1997. - С. 325-326.

⁵ Сладковский М.И. Указ. Соч. С. 247.

⁶ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. - М.: Памятники исторической мысли, 1995. - С. 257.

⁷ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. оп. 1. Д. 1609-а. Л. 111 об.

⁸ Сладковский М.И. Указ. соч. - С. 247.

⁹ Покровский В.И. Историко-статистический очерк // Статистические сведения о торговле России с Китаем: труды стат. отд. департамента таможенных сборов. - СПб., 1909. - С.10-11.

¹⁰ См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С. 75-76.

¹¹ Непомнин О.Е. Экономическая история Китая. 1864-1894 гг. - М.: Наука. 1974. - С. 81.

¹² Подробно о системе внутренних пошлин и сборов в Китае: Непомнин О.Е. Указ. соч. - С. 81-83.

¹³ Описание Маньчжурии. Т. I. - СПб., 1897. - С. 549.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Подсчитано по: Сладковский М.И. Указ. соч. - С. 214-215.

¹⁶ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. - М.: Наука, 1987. - С. 72.

¹⁷ Подсчитано по: Всеподданейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1901-1902 гг. - СПб., 1903. - С. 47.

¹⁸ Сладковский М.И. Указ соч. С. 283-285; Романова Г.Н. Указ. соч. С. 66-78.

¹⁹ Подробнее см.: Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX-начале XX вв. - Кызыл: Республ. типография, 2000. -С. 71.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 71. Л. 36 об

²² Сборник договоров России с Китаем. С. 172.

²³ ГАИО. Ф.24. Оп. 11/3. Д. 20. Л. 31 об.

²⁴ Там же. Л. 35 об.

²⁵ Там же. Д. 22. Л. 76.

²⁶ Там же. Л. 77 об.

²⁷ Там же. Л. 87-88 об.

²⁸ Там же. Л. 89-93.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 862. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 7 об.

³¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 149. Л. 15.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.К. Песцов

д-р полит. наук, профессор кафедры «История и политология»
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

Феномен глобализации в его связи с мировой политикой и международными отношениями начинает активно обсуждаться с конца 1970-х – начала 1980-х годов. Во второй половине 1980-х годов термин «глобализация» входит в оборот как обозначение новой реальности, порожденной технологической революцией в области информатики и телекоммуникаций¹. А к началу XXI века – с окончанием холодной войны, распадом социалистической системы и распространением рыночных методов хозяйствования на весь мир – глобализация начинает восприниматься в качестве доминирующей тенденции мирового развития.

Многочисленные исследования феномена глобализации привели к появлению множества трактовок его сущности, внутренних механизмов развития и временных рамок. Однако, несмотря на расхождения в конкретных деталях, общим является ее характеристика как процесса втягивания большей части человечества в единую систему финансово-экономических, общественно-

политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Как современное состояние глобализация это «все более тесная интеграция стран и народов, порожденная гигантским снижением издержек транспорта и связи и устранением искусственных препятствий на пути движения товаров, услуг, капитала, знаний и, в меньшей степени, людей через национальные границы»². Ее суть составляет не нивелирование мира на всех «этажах» общественной действительности, а все большая взаимозависимость различных обществ его составляющих³.

В современных условиях глобализация все более отчетливо проявляет себя одновременно в нескольких ипостасях. В экономическом аспекте она выражается в выходе интересов национальных хозяйствующих субъектов за национально-государственные рамки; поднятии «частных» национальных экономических проблем на общемировой уровень, требующий учета глобальных хозяйственных интересов и мобилизации мировых ресурсов; усилении влияния одних сегментов мировой экономики на другие, прямо не связанные друг с другом; возрастании необходимости координации национальных экономических и финансовых политик в общемировых масштабах⁴. В политико-идеологическом контексте глобализация проявляется в распространении не-олиберальной демократической идеологии, традиционно ассоциируемой с «западными ценностями» и все более широком выходе на мировую сцену новых акторов, «перехватывающих» у национальных государств часть их прав и компетенций. Технологической составляющей глобализации являются стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий, появление новых средств транспорта и связи.

Глобализация в современных условиях выступает не только многообразным, но и весьма противоречивым явлением. Она без сомнения открывает новые возможности для развития, связанные с появлением новых технологий и быстрым распространением знаний. Она позволяет более полно и эффективно использовать преимущества международного разделения труда и производственной кооперации в широких масштабах. Вместе с тем, глобализация обостряет уже существующие в мире противоречия, выводя многие из них на общемировой уровень, и порождает новые опасности. Одной из них является возрастающее неравенство в распределении предоставляемых им возможностей и выгод. Большую часть преимуществ получают богатые страны, что неизбежно порождает угрозу возникновения конфликтов, как на локальном, так и на интернациональном уровнях. Питательную для их обострения среду образует растущая боязнь традиционных элемен-

тов, небольших развивающихся государств и периферийных регионов остаются в непреодолимой зависимости от экономически более мощных мировых игроков. Не менее серьезную опасность представляет усиливающаяся вместе с ростом взаимозависимости национальных экономик региональная и глобальная нестабильность. Взаимосвязанные экономики становятся более уязвимыми и подверженными неконтролируемым внешним воздействиям, поскольку даже локальные экономические спады оказываются способными вызвать «эпидемию» глобального кризиса. Опасения утраты контроля над экономикой суверенными правительствами и его перехода в руки более сильных государств, транснациональных корпораций или международных организаций также способны перерасти в крайний национализм и экстремистские политические действия, угрожающие международной стабильности. Аналогичные угрозы создает и расширяющаяся в условиях глобализации диффузия стандартизированных («западных») культурных ценностей, порождая агрессивные реакции и попытки сохранения локальной культурной самобытности.

Серьезные угрозы глобализации связаны с тем, что недостатки рыночной системы, в значительной мере нейтрализуемые на уровне отдельных государств с помощью сложившихся механизмов государственного регулирования, воспроизводятся в более широком масштабе на глобальном уровне, где такие механизмы практически отсутствуют. Не связанные и не ограничиваемые наднациональным регулированием, глобальные рыночные силы ослабляют даже относительную макроэкономическую упорядоченность, продуцируют хозяйственные диспропорции, усиливают рассогласование общественного развития⁵. В этой связи, наряду с аспектом глобализации, акцентирующим внимание на внешней стороне этого процесса – расширении пространственных масштабов, не менее важное значение приобретает и другая ее сторона, подразумевающая возрастание упорядоченности и появление новых форм социальной организации в рамках расширяющегося мира. Соответственно, глобализацию следует также рассматривать и как определенный этап в «движении человеческого сообщества к всеобщности и к адекватной ей целостной системе мироустройства в условиях очередного всплеска научно-технической революции»⁶. В контексте этой весьма серьезной проблемы чаще всего и возникают дискуссии о соотношении в процессе мирового развития двух его тенденций – глобализации и регионализма, их роли и последствиях для международной системы.

Глобализация versus регионализм. В конце 1980-х – начале 1990-х годов некоторые исследователи стали выражать обеспокоенность тем, что ускоряющееся

развитие регионализма (преференциальных торговых соглашений) может привести к формированию крупных региональных образований и разделению мира на замкнутые и жестко конкурирующие между собой торговые блоки. И хотя в последнее время чрезмерно апокалиптические прогнозы звучат все реже, противопоставление регионализма и глобализации по-прежнему относится к числу весьма распространенных точек зрения. Даже в том случае, когда глобализация и регионализм трактуются как процессы, находящиеся в противоречивом единстве, связанные чередованием однонаправленных и разнонаправленных явлений, момент противопоставления остается доминирующим. Это подчеркивается, во-первых, представлением о регионализме, прежде всего, как о защитной реакции на вызовы глобализации⁷. Во-вторых, регионализм часто рассматривается не только как следствие глобализации, но и как препятствие на ее пути. Наконец, многие полагают, что глобализацию и регионализм разделяют не только отдельные противоречия; они находятся в состоянии борьбы с неопределенным исходом⁸.

Однако, утверждения о наличии прямой зависимости между развитием регионализма и расширением глобализации вряд ли вполне обоснованы. Некоторые особенности современного регионализма, безусловно, могут быть отнесены к последствиям или результатам влияния глобализации. Но сам этот феномен и в теоретическом, и в практическом плане имеет более глубокие корни. Больше того, глобализацию и регионализм правильнее рассматривать не как однопорядковые и разнонаправленные, а как разнотипные и взаимодополняющие тенденции. Глобализация, как бы она не определялась, в первую очередь это «расширение» мира. Регионализм же является не ограничителем этого расширения, как это часто представляется, а, прежде всего, способом упорядочения отношений в рамках расширяющегося и утрачивающего прежнюю стабильность пространства. Его историю можно рассматривать как производное (результат) двух взаимосвязанных, но относительно самостоятельных процессов. С одной стороны, объективного, связанного с географическим и функциональным расширением мира благодаря развитию производственных, транспортных и коммуникационных технологий; с другой – субъективного, представляющего собой попытку организации социальной жизни в определенных пространственных рамках и достижения сознательно устанавливаемых целей, обеспечивающих эффективность такой организации. Первый порождает экспансионистские тенденции и одновременно создает фундамент для общественной самоорганизации в новых, более широких границах. Проявлением второго является тенденция к самоорганизации и упорядочению, уменьшению разнородности ранее самостоятельных социальных структур, их

взаимной адаптации и трансформации в элементы новой, более масштабной системы. Вторая тенденция часто отстает от первой и наиболее очевидным индикатором величины разрыва между ними являются количество и масштабы конфликтов и прямых столкновений в рамках расширяющегося мира с неадекватной новым условиям его организации.

Любая система, и социальная в первую очередь, не может существовать в условиях перманентного внутреннего конфликта. Самоорганизация, форма которой каждый раз обуславливается конкретным соотношением сил между составными элементами системы, является основным способом самосохранения. Установившийся порядок, однако, периодически нарушается вследствие несовпадения темпов развития отдельных составных частей сложившейся системы. Неудовлетворенность традиционным порядком со стороны тех ее элементов, которые развиваются более быстрыми темпами, до определенного момента может сдерживаться сложившимися правилами поведения и согласованными действиями тех, кто заинтересован в их сохранении. Это ведет к «выплескиванию» накапливающейся энергии прогресса в «свободное» пространство, к экспансии и освоению новых территорий. Первоначальные разнонаправленные выходы за рамки системы и их масштабы, обусловленные технологическими возможностями, позволяют экспансионистам избегать столкновений друг с другом и поддерживать тем самым стабильность самой системы. Исчерпание возможностей экспансии в той или иной конкретной ее форме, свидетельством чего является возникновение и учащение столкновений между экспансионистами вначале на «новых территориях», а затем и внутри системы, знаменует смену тенденции расширения тенденцией упорядочения. Это проявляется, во-первых, в попытках политико-экономического освоения вновь приобретенных пространств в рамках отдельных частных подсистем, а затем, часто после крупномасштабных столкновений интересов, к организации взаимодействий в более широких рамках. На смену движению вширь и конфликтам приходят дипломатия и сотрудничество, требующиеся для согласования правил, которые обеспечивают сохранение сложившейся системы и отражают новое соотношение сил между ее элементами. Расширение системы связано не только с освоением «пустых» пространств, но и с интеграцией новых социальных структур, существовавших до этого относительно автономно и находящихся на разных стадиях эволюционного развития. Это приводит к тому, что внутренняя организация новой расширившейся системы с неизбежностью усложняется. Это усложнение выражается не только в количественном увеличении ее однопорядковых элементов, но и в формировании

разноуровневой структуры взаимосвязей, обусловливаемое видовым разнообразием отдельных групп таких элементов.

В этом контексте глобализация как расширение мира представляет собой историческое явление, постоянно сопровождающее историю человеческого общества и принимающее разные формы на разных этапах развития техники и социума. Преобладавшее ранее «географическое» расширение (втягивание новых стран и территорий в единую систему взаимоотношений) в настоящее время сменилось процессом расширения социально-культурного, связанного с интернационализацией все большего числа сфер общественной деятельности. Тенденция к упорядочению и организации жизнедеятельности, также в разных формах и обликах (военные союзы, колониальные империи), постоянно сопровождала процесс «расширения мира», выходя на первый план, когда дисфункции разрастающегося организма начинали принимать угрожающий характер. Ее запаздывание, часто порождало достаточно масштабные кризисы и конфликты. И она же, по прошествию какого-то времени, вызывала новую волну расширения. Периоды доминирования тенденций расширения и упорядочения (организации), на предыдущих этапах исторического развития были разделены во времени. Однако постепенно, вместе с ускорением общественного развития, они все больше «спрессовываются», трансформируясь в одномоментные параллельные процессы. Регионализм в этой связке, скорее представляет собой одну из «форм стадий «стягивания», суть которых в формировании на основе и посредством развития интенсивных и глубоких для своего времени интернациональных связей новых, более крупных интеграций (социально-территориальных систем) – союзов, конфедераций и пр.»⁹.

Появляющийся в конце 1940-х – начале 1950-х годов в виде отдельных, связанных друг с другом лишь отношениями защитной реакции или подражания, межгосударственных объединений, международный регионализм немногим более чем за полвека своего существования трансформировался в сложную, многоярусную конструкцию. Эта конструкция, без всякого сомнения, может рассматриваться как одна из важных опор современного миропорядка. «Нижний» ее этаж создают традиционные и новые трансграничные региональные объединения («естественные экономические территории», «треугольники (зоны) роста»), представляющие собой примеры ограниченных по составу и масштабам задач кооперационных взаимодействий. Субъектами этих взаимодействий выступают соприкасающиеся части территорий соседних стран, модернизация и развитие которых осуществ-

ляются путем сложения (кооперации) усилий или объединения (интеграции) взаимодополняемых ресурсов и факторов производства.

«Второй этаж» современного регионализма образует наиболее распространенная и массовая категория региональных интеграционных объединений – субрегиональные союзы, представляющие собой разные по числу членов группировки государств, располагающихся в одной субрегиональной зоне. Такого рода образования, как правило, отличает более высокий уровень институциональной оформленности, более широкий масштаб целей, задач и сфер кооперационных взаимоотношений. Их совместная деятельность опирается на стремление к гармонизации условий хозяйствования в национальных экономических пространствах (от координации действий в отдельных областях до максимальной унификации) и/или к согласованию поведения на международной арене. Общерегionalные объединения и группировки формируют еще один, более высокий уровень регионализма. Они, чаще всего, представлены многочисленными по составу образованиями, объединяющими все или большую часть стран определенного макрорегиона. В ряде случаев структура самих общерегиональных интеграционных объединений, постепенно усложняясь, становится двух или даже трехуровневой. В состав такого рода союзов помимо индивидуальных государств-членов включаются групповые образования меньших масштабов (субрегиональные и/или трансграничные). Последние, сохраняя определенную организационную и функциональную автономию, одновременно получают возможность координации стратегий своего развития и деятельности в более широком контексте. И, наконец, верхний ярус регионализма занимают сегодня трансрегиональные объединения, организационные рамки которых пересекают границы отдельных региональных пространств, охватывая уже отдельные части соседних макрорегионов. Вся эта многоэтажная конструкция, постепенно складывавшаяся в процессе эволюционного развития регионализма, является не просто механическим набором отдельных, не связанных между собой элементов. Пересекающееся членство большого числа государств в региональных структурах разного уровня, дополнение формальных межгосударственных взаимодействий на региональном уровне расширяющейся сетью устойчивых неформальных и «частных» связей, наконец, активизация прямых (в том числе, официальных) отношений между межгосударственными союзами разных регионов, превращают современный регионализм в целостную систему, придающую большую устойчивость развитию всего мирового сообщества.

Международная система и мировой порядок. Международные отношения представляют собой систему связей и взаимодействий высокой степени сложности, возникающую (складывающуюся) между специфическими субъектами: государствами, интеграционными объединениями, транснациональными компаниями, международными организациями. Объединяющим все эти субъекты признаком является то, что все они сами – сложные формы социальной организации. К числу отличительных особенностей такой системы относятся низкая степень интегрированности элементов в целостность и значительная их автономия. Принципиально важное значение имеет и то, что взаимоотношения между указанными субъектами (элементами) осуществляются либо в отсутствии каких-либо четких стандартов, критериев и норм, либо, если таковые появляются, в условиях их слабости и неразвитости по сравнению с уровнем, достигнутым во внутрисоциальных отношениях¹⁰. В то же время международным отношениям как целостной системе изначально присущи как способность к самоупорядочиванию и организации, так и потребность в них. Поскольку организация может быть определена как некий порядок и/или процесс продвижения к нему, то, соответственно, мировой (международный) порядок это идентифицируемый во времени и пространстве период, на протяжении которого остаются неизменными состав субъектов, образующих систему, и конфигурация отношений между ними¹¹.

Глобализация, являющаяся следствием складывающейся целостности мира и сама ускоряющая процесс становления этой целостности, вплотную подводит международные отношения к переходу от системы множества суверенных государств к более сложной организации человеческого сообщества. Характер и общие контуры такой организации являются сегодня предметом обсуждения и в зарубежной, и в отечественной литературе, в ходе которого высказываются разные, часто противоположные, точки зрения¹². В этой связи полезно обратиться к прогнозам, связанным с возможными переменами в системе международных отношениях, которые были сформулированы ранее с тем, чтобы не только оценить их обоснованность, но и понять суть расхождений (если такое имеются) теоретических моделей вероятного миропорядка с реальными переменами в организации современного мира.

В середине 1970-х годов была опубликована работа «Исследование будущего мирового порядка», являвшаяся результатом совместных усилий большой интернациональной группы специалистов в рамках международного Проекта моделей мирового порядка (WOMP)¹³. Эта работа стала третьей в серии книг под названием «Предпочтительный мир для 1990-х годов» и содержала набор возможных моделей мирового порядка, которые, исходя из реально наблюдаемых тенденций, могли реа-

лизироваться к 2000 году. В этот набор была включена также преференциальная модель, являвшаяся наиболее многообещающей с точки зрения ее желательности и достижимости. Глубина прогноза ограничивалась периодом двух с половиной десятилетий, который создавал возможность обоснованного предсказания вероятных изменений. Содержание этих изменений оценивалось в соответствии с набором четко идентифицируемых и измеримых ценностных предпочтений. Они включали четыре основные (минимизация крупномасштабного коллективного насилия, максимизация социально-экономического благосостояния, реализация фундаментальных человеческих прав, поддержание качества окружающей среды) и ряд дополнительных ценностей, относящихся к качеству жизни¹⁴.

К основным характеристикам исходной (базовой) или реально существующей на момент формулирования прогноза международная «властно-силовая» (authority/power) система были отнесены (а) относительная интеграция глобальной системы как целого, (б) доминирование государства как основного актора мировой политики, (в) существование глобального актора (ООН), (г) существование нескольких региональных акторов, (д) наличие группы специализированных (функциональных) акторов глобального уровня, (е) высокая степень неравенства в отношениях между государственными акторами. Опираясь далее на анализ параметров ряда предшествующих систем мирового порядка (1890, 1920 и 1950 годов) и тенденций их эволюционного развития, авторы исследования попытались очертить некоторые базовые типы миропорядка, представлявшиеся им релевантными будущему. Отнесение модели к этой категории обуславливалось ее представленностью (в той или иной мере) внутри уже существующего мирового порядка и соответствием (в той или иной степени) организационным потребностям и нормам международной жизни. Всего было выделено восемь вероятных структурных систем будущего мирового порядка с двумя – четырьмя их разновидностями в каждом отдельном случае.

Первая из них – «усовершенствованная» межгосударственная система – не многообещающая, но реальная. В этом случае сложившаяся система не претерпевает радикальных изменений, а появление новых ее черт связано с позитивными переменами во взаимоотношениях между акторами (появлением общих целей, возрастанием толерантности и согласованности в действиях). Вторая модель – система мирового правительства – характеризуется появлением на международном уровне управляющей структуры, возможности которой соизмеримы с возможностями правительства в хорошо организованном государстве, и ее доминированием над региональными и государственными акторами. Различные вариации этой модели могут колебать-

ся от систем с радикально ослабленным международным влиянием национальных государств и диффузией управленческих функций между региональными, функциональными и универсальными политическими акторами, до таких, где возможности государственных акторов не позволяют им бросить вызов управляющему центру. В качестве третьего варианта предлагалась «регионалистическая» система, отличительной чертой которой является перемещение лояльности и политической идентичности с национального на региональный уровень. Ее появление связывалось с широкой экспансией региональных акторов и увеличением их значимости при одновременном более или менее очевидном падении статуса государственных акторов. Эта стратегия реформы международного порядка относилась авторами проекта к числу наиболее привлекательных и осуществимых.

Менее жизнеспособной представлялась еще одна – функционалистская – система мирового порядка, основывающаяся на расширении сотрудничества в отдельных функциональных сферах и повышении роли специализированных международных институтов. Еще более нереалистичным прогнозом являлось считалось возникновение мировой империи, ключевыми параметрами которой является формирование ядра, доминирующего над подчиненной ему периферией, и интеграцией системы с помощью завоеваний, а не соглашений. Следующие три типа возможных систем – «концерт» ведущих национальных акторов, кондоминимум и система малых государств – представляли собой вариации международного порядка, основывающегося на взаимодействиях нескольких или многих государственных акторов. В первом случае порядок обеспечивается «управляющим директоратом» в составе правительств ведущих государств мира на основе консенсуса между ними. Модель кондоминиума предполагает кооперационное соглашение между мировыми центрами силы для совместных действий по ключевым проблемам в соответствии с предустановленными процедурами (вариант советско-американского сотрудничества). Наконец, к появлению системы малых государств ведет дробление больших суверенных государственных образований. Равновесие в этом случае обеспечивается за счет уменьшающихся средних размеров (соответственно, мощи) большей части государств в комбинации с умеренным повышением роли глобальных функциональных акторов.

Предпочтительная, с точки зрения проекта WOMP, модель мирового порядка 2000 года определялась совокупностью прогнозируемых изменений, которая включала:

(1) повышение вдвое (в сравнении с ситуацией середины 1970-х годов) статуса и величины центральной управляющей структуры (ООН или ее эквивалента);

(2) увеличение вчетверо совокупных размера и влияния универсальных функциональных агентов;

(3) удвоение, по сравнению с исходным, размеров и статуса региональных общецелевых акторов (более быстрые темпы роста ЕС должны позволить ему к 2000 году вчетверо увеличить размеры и значимость);

(4) значительное увеличение (в четыре раза) числа и значимости региональных функциональных агентств;

(5) сокращение вполовину возможностей и способностей национальных государств за счет быстрого ослабления крупных и некоторого повышения роли небольших и средних государственных образований;

(6) увеличение втрое числа транснациональных акторов, которые смогут существенно (в четыре раза) повысить свой статус и влияние;

Таким образом, эта модель основывается на наращивании способностей и повышении роли негосударственными акторами всех категорий одновременно с заметным изменением политических ориентаций государственных акторов и некоторой утратой ими мощи и авторитета в международных делах.

Сегодня, когда определенный прогнозом срок его реализации остался далеко позади, можно констатировать, что система международных отношений так и не обрела необходимой устойчивости, позволяющей идентифицировать ее параметры с любой из возможных моделей. Процесс ее общего эволюционного развития оказался более инертным, нежели это предполагалось ранее, несмотря на весьма динамичные частные перемены. В то же время, сопоставление этих реальных перемен с описанными выше прогнозными тенденциями открывает возможность уточнить вектор трансформации переходной международной системы и некоторые общие параметры формирующегося мирового порядка. В рамках прогнозируемого периода, во-первых, не произошло заметного увеличения значимости в международной политике ООН. Более того, некоторый количественный ее рост сопровождался временными кризисами авторитета и управляющей способности. Во-вторых, наиболее очевидные перемены в структуре международной системы оказались связанными с распадом социалистической системы, дезинтеграцией одного из глобальных игроков – СССР, ряда восточноевропейских государств (Чехословакия, СФРЮ) и сопровождавшим эти процессы исчезновением ряда функциональных институтов регионального масштаба. Сохранение на мировой арене одной сверхдержавы и ее попытки взять на себя функции властного обеспечения мироустройства за

счет глобальной проекции силы на области своих транснациональных интересов стали причиной популярности, в том числе среди российских исследователей, концепции однополярного мира как теоретической схемы, адекватно отражающей существующие реалии мировой политики¹⁵. Однако в этой связи следует обратить внимание и на вполне вписывающийся в прогнозные тенденции факт прогрессирующего относительного уменьшения общего веса США в мировой экономике и снижение в последнее время морально-политического авторитета этого доминирующего государственного актора. Все это, вместе с возникающим внутренним недовольством избыточной международной активностью, которая ощутимым бременем ложиться на страну, способно превратиться для сегодняшнего мирового лидера в серьезный лимитирующий фактор. Одновременно с этим, опять же в рамках прогноза, происходит постепенное наращивание позиции рядом национальных государств, не игравших ранее существенной роли в международных делах (КНР, Индия). Их возможности все еще относительно невелики, однако темпы, которыми они прогрессируют, весьма впечатляют. Наконец, нельзя не обратить внимания и на появление в качестве все более влиятельных субъектов мировой политики и других негосударственных структур. Как отмечают отечественные специалисты, в конце XX века начала возникать некая парapolитическая структура в виде международного ареопага ТНК и ТНБ, фактически противопоставившая себя вестфальскому мироустройству. Организовалась специфическая «Давосская культура», международная «штабная экономика» (ВТО, МВФ, ВБ), отпочковавшаяся от ООН¹⁶.

Однако, вероятно, наиболее точным прогноз WOMP оказался в оценке тенденции, связанной количественным и качественным ростом региональных – общецелевых и функциональных – акторов. Общее количество только региональных интеграционных объединений (без учета функциональных институтов и структур и неправительственных региональных группировок) с 39 в 1975 году выросло к 2000 году до 70. Этот процесс охватил все без исключения регионы мира, а в число его участников, за редким исключением, вошло большинство нынешних государств. Еще более быстрыми темпами развивался лидер регионализма – ЕС. Состав его членов с девяти в 1975 году увеличился до пятнадцати к 2000 и до двадцати пяти – к 2004 году. Это подтверждает вывод о том, что региональный интеграционный процесс не является ни антиподом глобализации, ни ее составной частью, а представляет собой «самостоятельный регионально-интеграционный процесс, имеющий свои собственные внутренние движущие силы, но разви-

вающийся во взаимодействии с глобализацией»¹⁷. Интеграционные процессы на региональном уровне занимают значительное место в экономической и политической жизни, оказывают усиливающееся влияние на обеспечение безопасности стран и народов. Они реально способны привести и уже ведут к существенным изменениям в расстановке и соотношении сил как на региональном, так и глобальном уровне, открывая перспективу многополюсного мироустройства»¹⁸. Некоторые аналитики идут еще дальше, полагая, что с развитием регионализма закладываются основы совершенно нового политического устройства мира. Они считают, что формирующиеся суперрегионов будут эволюционировать «в направлении интегрций – наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экономического регулирования, правовыми институтами, структурами управления и системами безопасности»¹⁹.

---

¹ Вебер А.Б. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты // *Полития*. 2002. № 2. С. 22.

² Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. N.Y., 2002.

³ Дилигенский Г. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 4. С. 37 – 39.

⁴ Михеев В. Глобализация мировой экономики и азиатский регионализм – вызовы для России? // *Проблемы Дальнего Востока*. 1999. № 2. С. 22 – 23.

⁵ Вебер А.Б. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты // *Полития*. 2002. № 2. С. 27.

⁶ Галкин А.А. Поступь глобализации и кризис глобализма // *Полития*. 2002. № 2. С. 6.

⁷ Широков Г.К. Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков // *Новая и новейшая история*. 2004. № 4. С. 56.

⁸ Вардомский Л.Б. Между глобализмом и регионализмом: Проблемы и тенденции регионализации постсоветского пространства // *Полития*. № 1. Весна 2002. С. 65.

⁹ Косолапов Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: Модели на среднесрочную перспективу // *Общественные науки и современность*. № 6. 2001. С. 152.

¹⁰ Косолапов Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 144 – 145.

¹¹ Там же. С. 147.

¹² Лебедева М.М. Восприятие социальной организации мира в современных российских исследованиях по международным отношениям // *Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология*. 2005. № 4. С. 139 – 152.

¹³ Falk Richard A. *A Study of Future Worlds*. N.Y.: Free Press, 1975.

¹⁴ Ibid. P. 8, 11 – 32.

¹⁵ Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford, 2000.

¹⁶ Афанасьев М.В., Мясникова Л.А. Время глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 10. С. 11 – 19.

¹⁷ Примаков Е. Россия и международные отношения в условиях глобализации // *Международная жизнь*. 2001. № 3. С. 28.

¹⁸ Соловьев А.В., Чаевич А.В. Глобализация, интеграция и национальная безопасность России // *Вестник МГУ. Сер. 12 Политические науки*. 2005. № 5. С. 26 – 27.

¹⁹ Кувалдин В.Б. Глобализация, наднациональное государство и новый миропорядок // *Полис*. 2002. № 2. С. 50.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ОБ ИСТИННОМ ОБЛИКЕ КАПИТАН-КОМАНДОРА БЕРИНГА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ «ВОКРУГ СВЕТА», «РУССКАЯ АМЕРИКА», «МОРСКОЙ ФЛОТ») <i>П. Артющенко</i>	5
ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА <i>М.Е. Гузов</i>	6
ТАМОЖЕННАЯ СИСТЕМА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ <i>И.А. Столярова</i>	9
ПАМЯТЬ О ГОРДОМ «ВАРЯГЕ» <i>Р.В. Анциферов, А.В. Челаков, М.М. Чураков</i>	12
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ <i>Я.Ю. Тарковская</i>	15
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ НА СТРАНИЦАХ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 50-90-Х ГОДОВ XX ВЕКА <i>А.В. Кухарская</i>	23
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ. (ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ РУССКИХ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. (50-Е ГГ. XIX – 40-Е ГГ. XX В.) <i>Л.М. Гараева</i>	30
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ПРИРОДЫ НА ЮГЕ ДВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. <i>С. Д. Пинчук</i>	43
ЭВОЛЮЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ (АКТУАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ) <i>Д.А. Литошенко</i>	53
ГЕОПОЛИТИКА – ДОМИНАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ <i>Л.В. Шепотько</i>	62
БАНДИТИЗМ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТЕРРОРИЗМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920-Е ГГ. <i>Н.А. Шабельникова</i>	70
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. <i>Н.А. Беляева</i>	84
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>С.К. Песцов</i>	96

Диалог поколений
Сборник научных трудов

Общая редакция:
Д.А. Литошенко и Л.В. Шепотько

Уч.-изд. л. 6,9
Тираж 150 экз.

Формат 60 x 84/16
Заказ №

Отпечатано в типографии ИПК МГУ им. адм. Г.И. Невельского
Владивосток 59, ул. Верхнепортовая, 50а